

МЕЛОДИ
Лейн

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

СЛАБОСТЬ

Безумного

18+

Мелоди Лейн

Слабость Безумного

<https://litres.ru/74130027>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его мир — это идеальный контроль, просчитанные ходы и репутация Безумного, лишённого слабых мест. Но однажды в его жизнь врывается та, что рушит все возведенные стены. Она — его незапланированная ошибка, его наваждение, его единственная уязвимость. Сможет ли он уберечь свою слабость от врагов и самого себя, или чувство, возникшее вопреки всему, окажется разрушительным?

Содержание

Глава 1. Цена Безумного. Марат	4
Глава 2. Пять кругов ада. Жанна	13
Глава 3. Огонь в карих глазах. Марат	18
Глава 4. В логове чудовища. Жанна	27
Глава 5. Урок послушания. Марат	33
Глава 6. Инвентаризация ада. Жанна	40
Глава 7. Моя личная головоломка. Марат	47
Глава 8. Цена вдохновения. Жанна	52
Глава 9. Незапланированный импульс. Марат	62
Глава 10. Ледяное мастерство. Жанна	68
Глава 11. Триумф наблюдателя. Марат	72
Глава 12. Слезы и графит. Жанна	77
Глава 13. Холод и Агония. Марат	84
Глава 14. Монстр с душой эстета. Жанна	89
Глава 15. Нарушение правил. Марат	94
Глава 16. Фарс нормальности. Жанна	100
Глава 17. Звонок из реальности. Марат	106
Глава 18. Шедевры во тьме. Жанна	111
Глава 19. Зеркало для Безумного. Марат	118
Глава 20. Шедевр для Дьявола. Жанна	124
Глава 21. Яд на кончике кисти. Марат	129
Глава 22. Право сильного. Жанна	136
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Слабость Безумного

Глава 1. Цена Безумного. Марат

Скука.

Густая, вязкая, как патока, она обволакивала меня, приглушая ощущения. Я сидел в своем любимом кресле в "Вершине" - ресторане на последнем этаже принадлежащего мне бизнес-центра. Отсюда, сквозь бронированное панорамное стекло, город расстирался у моих ног мерцающим ковром из огней. Каждая точка света - жизнь, суета, эмоции. Все то, что я давно научился презирать и использовать.

В руке - тяжелый хрустальный бокал. Внутри, лениво покачиваясь, таяли кубики идеального льда в янтарной жидкости - двадцатипятилетний "Макаллан". Его торфяной аромат был единственным, что пробивалось сквозь фильтр моего тотального безразличия. Я сделал медленный глоток. Тепло прошло по горлу, но не согрело. Меня давно уже ничего не грело.

Мой мир был выверен до миллиметра. Каждый день - копия предыдущего. Власть, деньги, страх в глазах подчиненных и врагов. Все это стало рутиной, лишённой вкуса. Ме-

ня называли Безумным не потому, что я был психопатом. А потому, что моя логика была бесчеловечной, мои решения - окончательными, а мои действия - лишенными эмоций. Я был идеальным механизмом. Идеальным хищником на вершине пищевой цепи.

Сегодня в моем расписании появился незапланированный пункт. Девочка. Сестра одного идиота, который решил, что сможет украсть у меня. Михаил Снежин. Мелкая сошка, возомнившая себя игроком. Он ошибся. Такие ошибки в моем мире исправляют одним способом - полным и окончательным стиранием из реальности. Но прежде чем стереть, нужно было вытрясти из него все, что он успел узнать. Сейчас он сидел в одном из моих подвалов, и мои люди деликатно объясняли ему пагубность его поступка.

А его сестра решила проявить инициативу. Мой начальник службы безопасности, Руслан, доложил об этом еще утром. Жанна Снежина. Обзвонила все морги и больницы. Обратилась в полицию, где ей вежливо посочувствовали и приняли заявление. А потом, через десятые руки, через слухи и шепот в криминальных кругах, она вышла на меня. Нашла способ передать просьбу о встрече.

Это было... забавно. Как мышь, пришедшая просить о помощи в логово удава.

Легкий звон лифта возвестил о ее прибытии. Двери из тонированного стекла открылись, и она вошла в пустой зал ресторана. "Вершина" была закрыта для посетителей. Только я, она и тишина.

Она была именно такой, как в досье, которое лежало у меня на планшете. Среднего роста, хрупкая. Старое, но чистое темно-синее пальто, которое явно видело лучшие дни. Под ним виднелись потертые джинсы и простой серый свитер. Никакого розового топа и босоножек из отчета снаружи. Сейчас была осень, и город накрывала промозглая сырость. Ее одежда кричала об отсутствии денег и отчаянии.

Короткие платиновые волосы были в беспорядке, словно она всю дорогу пятерней зачесывала их назад. Лицо бледное, под большими карими глазами залегли темные тени от бессонных ночей. Она остановилась посреди зала, обводя огромное пространство испуганным, но в то же время упрямым взглядом. Ее взгляд зацепился за мою фигуру в кресле у окна.

Я не двинулся с места, лишь медленно повернул голову. Наблюдал, как она сжимает в кулаке ремешок своей дешевой сумки. Как выпрямляет спину, пытаясь казаться выше и увереннее. Тщетно. Я видел ее насквозь. Страх сочился из

каждой поры ее кожи, смешиваясь с запахом дождя и дешевого парфюма.

- Марат Северцев? - ее голос прозвучал на удивление твердо, хоть и немного дрогнул.

Я молча кивнул, указывая подбородком на кресло напротив. Она колебалась секунду, а затем прошла через весь зал и села на самый краешек, готовая в любой момент сорваться с места. Невероятно напряженная.

- Я... меня зовут Жанна Снежина. Я по поводу своего брата, Михаила.

- Я знаю, кто вы, Жанна Снежина. И знаю, зачем пришли, - мой голос был ровным и тихим, но в оглушающей тишине зала он прозвучал, как удар хлыста. Она вздрогнула.

- Он пропал три дня назад. Его нигде нет. В полиции... они ничего не делают. Мне сказали... мне сказали, что вы можете помочь. Что вы все знаете, что происходит в этом городе.

Она говорила быстро, сбивчиво, словно боялась, что я ее прерву и выгоню. В ее карих глазах стояли слезы, но она отчаянно сдерживала их. Это вызывало крупницу... не уважения, нет. Любопытства. Другие на ее месте уже рыдали бы,

ползая на коленях.

- Помочь? - я усмехнулся, отпивая еще глоток виски. - Помощь стоит денег. Очень больших денег. Судя по вашему виду, у вас их нет.

Ее щеки вспыхнули от унижения. Она закусила губу, и я отметил, какими мягкими и полными они были. - У меня есть сбережения. Немного. И я могу... я могу работать. Отдать долг. Кем угодно. Я все умею! Убирать, готовить...

- Мне не нужна прислуга, - отрезал я, ставя бокал на стол. Звук удара хрусталя о стекло был единственным в мертвой тишине. - И твои сбережения не стоят и часа моего времени.

Отчаяние на ее лице сменилось гневом. Она вскочила.

- Тогда зачем вы согласились на встречу?! Чтобы поиздеваться? Посмеяться надо мной?

О, этот огонь. Вот оно. То, что отличало ее от сотен других просителей. Она не сломалась сразу. Интересно.

Я поднялся, медленно обходя стол. Я был значительно выше, и когда я остановился прямо перед ней, ей пришлось задраить голову. Я вдыхал ее запах - дождь, страх и что-то еще...

что-то неуловимо сладкое, чистое. Девственное. Мои люди не зря едят свой хлеб. Я знал о ней все.

- Я согласился, потому что твой брат - вор, - произнес я тихо, глядя ей прямо в глаза. - Он украл у меня. И сейчас он платит за свою глупость.

Ужас захлестнул ее. Она отшатнулась, ее лицо стало белым как бумага.

- Что... что вы с ним сделали? Он жив?

- Пока жив, - я наслаждался эффектом, который производили мои слова. Наслаждался ее ломающейся броней. - Он нужен мне, чтобы вернуть то, что он украл. А после... после он станет ненужной проблемой.

- Нет... пожалуйста... - прошептала она, слезы покатались по ее щекам. - Я вас умоляю. Не трогайте его. Я все сделаю! Все, что скажете!

- Все? - я склонил голову набок, изучая ее заплаканное лицо. Мышь попалась. - Интересное предложение.

Я вернулся к своему креслу и снова сел, закинув ногу на ногу. Взял бокал. Она осталась стоять посреди зала - малень-

кая, сломленная фигурка.

- Хорошо. Я найду твоего брата. Более того, я верну его тебе. Целым и невредимым. Возможно, немного помятым, но живым. Все обвинения с него будут сняты. Он сможет уехать из города и начать новую жизнь.

Надежда вспыхнула в ее глазах так ярко, что это было почти больно видеть.

- Правда? Спасибо! Боже, спасибо вам! Я...

- Я не закончил, - прервал я ее. - Я сказал, что помощь стоит денег. У тебя их нет. Но ты предложила другую плату. "Все, что я скажу".

Я сделал паузу, давая ей осознать, куда я веду. Недоумение на ее лице сменилось медленным, леденящим душу пониманием. Она отступила на шаг.

- Что... что вы хотите?

Я обвел ее долгим, оценивающим взглядом. От платиновых волос до кончиков стоптанных ботинок. Словно выбирал вещь на рынке. Игрушку.

- Я хочу тебя, Жанна Снежина, - произнес я абсолютно спокойно, без тени похоти или страсти. Просто констатируя факт. - Ты переедешь ко мне. Будешь жить в моем доме. Принадлежать мне. Делать то, что я скажу, и быть там, где я скажу. Полное и безоговорочное подчинение. Взамен твой брат получит свободу.

Тишина взорвалась. Ее лицо исказилось от ярости и отвращения.

- Да вы... вы чудовище! - выплюнула она. - Скотина! Я никогда! Слышите, никогда на это не соглашусь! Да пошел ты!

Она развернулась и, не оглядываясь, почти бегом бросилась к лифту. Ее тонкая фигурка дрожала от гнева и рыданий.

Я даже не пошевелился. Просто смотрел ей вслед, слушая, как стучат по мраморному полу ее ботинки. Двери лифта закрылись, унося ее прочь.

Я поднес бокал к губам. Уголок моего рта дрогнул в подобии улыбки.

Какая предсказуемая и в то же время восхитительная

ярость.

Я допил виски. Шансов у нее не было. Полиция ей не поможет. Денег, чтобы спрятаться, у нее нет. Друзей, способных противостоять мне, - тем более. А каждый день промедления будет стоить ее брату сломанного пальца. Или чего похуже.

Я посмотрел на город за окном. Он принадлежал мне. И скоро эта девочка с огнем в глазах тоже станет моей.

Дело времени. Несколько дней. Не больше.

Скука отступила. Впервые за долгое время я почувствовал азарт.

Глава 2. Пять кругов ада. Жанна

Лифт нес меня вниз, а я не чувствовала движения. Я вообще ничего не чувствовала, кроме оглушающего шума в ушах и ледяного холода, пробирающего до костей, хотя в кабине было тепло. Стены из тонированного стекла отражали мое лицо - бледное, с огромными, безумными глазами и мокрыми дорожками от слез на щеках. Чудовище. Скотина. Ублюдок. Слова, которые я выплюнула ему в лицо, теперь казались жалкими и беспомощными. Они отскочили от его непроницаемой брони, не оставив и царапины.

"Я хочу тебя, Жанна Снежина".

Его голос, тихий и ровный, без капли эмоций, звучал в моей голове снова и снова, заставляя желудок сжиматься в тугую, болезненный узел. Он не желал меня. Не так, как мужчина желает женщину. Он хотел владеть мной. Как вещь. Как очередной дорогой безделушкой в своей коллекции.

Вывалившись из небоскреба в промозглую темень ноябрьского вечера, я жадно глотнула сырой, пахнущий выхлопными газами воздух. Ноги подкашивались. Я оперлась о холодную стену здания, пытаюсь отдышаться. Мир вокруг плыл: огни машин, спешащие куда-то люди под зонтами,

витрины магазинов - все это было словно за толстым слоем мутного стекла.

Домой я добиралась на метро, как в тумане. Втиснулась в набитый вагон, чувствуя на себе чужие взгляды, но мне было все равно. Я была пуста. Унижена. Растоптана.

Моя маленькая квартирka-студия, мое убежище, встретила меня запахом остывшего чая и одиночества. Раньше здесь всегда пахло уютom: Мишка любил печь яблочные пироги, а я постоянно возилась с красками. Теперь этот запах казался призраком прошлой, счастливой жизни. Я рухнула на диван, даже не сняв мокрое пальто.

На стене висела наша с братом фотография, сделанная прошлым летом в парке. Мы там такие счастливые, смеемся, и Мишка обнимает меня за плечи. Мой единственный родной человек, оставшийся у меня после смерти родителей. Моя опора. И сейчас он в руках этого монстра.

Первая ночь прошла без сна. Я металась по квартире, как зверь в клетке. Снова и снова звонила в полицейский участок, где уставший голос дежурного монотонно повторял: "Ведутся поиски, гражданка Снежина. Ждите". Я звонила немногочисленным друзьям Миши, но они либо ничего не знали, либо боялись говорить. Страх. Этот город пропитался

страхом перед ним. Перед Северцевым.

Утром я заставила себя встать. Ни один кусок не лез в горло. Я машинально сварила кофе, но так и не притронулась к нему. Кружка одиноко стояла на столе, покрываясь пленкой, пока я обзванивала больницы и морги, каждый раз замирая от ужаса перед ответом. "Снежин Михаил Игоревич в списках не значится". Кратковременное облегчение тут же сменялось новой волной отчаяния.

День прошел в бесплодных поисках. Я ходила в колледж, но не могла сосредоточиться на лекциях. Линии на эскизах плясали перед глазами, превращаясь в решетки. Вечером, вернувшись в пустую квартиру, я нашла под дверью небольшой конверт без подписи.

Сердце пропустило удар. Руки дрожали так, что я едва смогла его вскрыть. Внутри была всего одна фотография, сделанная на телефон.

На ней был Миша.

Он сидел на стуле в каком-то темном, сыром помещении, похожем на подвал. Его лицо было разбито, губа рассечена, под глазом наливался огромный синяк. Но самым страшным был его взгляд - пустой, лишенный всякой надежды.

Он смотрел прямо в камеру, и в его глазах я читала мольбу. Мольбу, обращенную ко мне.

На обратной стороне фотографии был лишь номер его телефона.

Я выронила снимок. Ноги подогнулись, и я сползла по стене на пол. Меня затрясло в беззвучных рыданиях. Это было послание. Жестокое, безжалостное напоминание о том, что время идет, и цена моего упрямства - боль моего брата.

Я просидела на холодном полу всю ночь, обняв колени и вцепившись в эту ужасную фотографию. Мой гнев, моя гордость, мое "никогда" - все это рассыпалось в прах перед лицом его страданий.

Он не оставил мне выбора. Он загнал меня в угол, из которого был только один выход. Прямо в его логово.

За окном забрезжил рассвет, окрашивая серое небо в грязновато-розовые тона. Я с трудом поднялась. Ноги затекли от долгого сидения на полу и не слушались. Подойдя к столу, я взяла свой телефон, нашла в записной книжке номер, который дала мне его секретарша, и нажала на кнопку вызова.

- Я согласна, - сказала я в трубку, когда мне ответил бесстрастный женский голос. Мой собственный голос был чужим, мертвым, лишенным всяких эмоций. - Передайте Марату Северцеву, что я согласна на его условия.

В ответ прозвучало короткое "Ожидайте" и снова раздались гудки.

Я положила трубку и посмотрела на свое отражение в темном экране телефона. Девушка, которая еще несколько дней назад мечтала о путешествии в Италию, умерла. На меня смотрел призрак с пустыми глазами, готовый продать себя в рабство ради спасения брата.

Глава 3. Огонь в карих глазах. Марат

Телефонный звонок разрезал утреннюю тишину моего кабинета, как скальпель хирурга, делающего первый надрез на теле пациента во время важной операции. Я не смотрел на экран. Знал, кто это. Моя ассистентка никогда не соединила бы меня ни с кем без предварительного согласования. Кроме одного случая, о котором была проинструктирована заранее.

- Слушаю, - мой голос был ровным, лишенным теплых интонаций.

- Марат Павлович, звонила Жанна Снежина. Она согласна на ваши условия, - доложил безупречно поставленный голос секретарши.

Я молчал несколько секунд, глядя на панораму утреннего города за окном. Небо было затянуто низкими серыми тучами, моросил мелкий, нудный дождь. Идеальная погода для капитуляции. Я не почувствовал триумфа. Лишь холодное, методичное удовлетворение от того, что еще одна задача в моем тщательно спланированном мире перешла в стадию "выполнено". Мышь перестала дергаться и сама пошла

в ловушку.

- Хорошо, - произнес я. - Вызови Руслана ко мне.

Через минуту в дверях без стука возник мой начальник службы безопасности. Руслан - кремень. Бывший спецназовец, немногословный, исполнительный и абсолютно преданный. Он был моей тенью, моими глазами и ушами в этом городе.

- Девочка Снежина согласилась, - сообщил я, не поворачиваясь. - Отправь за ней машину. Одного водителя, без лишних лиц. Вещи пусть не берет. Ничего. Привезти ко мне домой. И проследи, чтобы по дороге она ни с кем не контактировала. Объект должен быть доставлен чисто и без эксцессов.

- Понял, - коротко бросил Руслан и так же бесшумно исчез.

"Объект". Именно так. В моем мире не было места сантиментам. Люди были либо ресурсами, либо угрозами, либо инструментами. Жанна Снежинка на ближайшее время становилась специфическим ресурсом. Забавной диковинкой, нарушившей мою скуку.

Остаток дня прошел по заведенному порядку. Встречи, звонки, анализ отчетов. Я перемалывал цифры и человеческие судьбы с одинаковой холодной эффективностью. Но впервые за многие годы на периферии сознания маячила посторонняя мысль. Мысль о карих глазах, полных ярости и отчаяния. О коротких платиновых волосах. О том, как она будет выглядеть в стенах моего дома. Это раздражало. Я не привык к отвлекающим факторам.

Домой я вернулся, когда уже стемнело. Мой дом - моя крепость. Расположенный за городом, в сосновом бору, он был произведением современного минимализма. Стекло, темный камень, полированный бетон и металл. Ни одной лишней детали. Огромные панорамные окна смотрели на лес, но с дороги дом был абсолютно невидим, скрытый за высокий забором и деревьями. Внутри царила стерильная чистота и тишина, нарушаемая лишь тихим гулом системы вентиляции и моими шагами по полированному граниту пола.

Я прошел в гостиную - огромное двухсветное пространство с потолком высотой в восемь метров. Единственной мебелью был гигантский черный кожаный диван, пара кресел и низкий столик из цельного куска мрамора. На одной из стен - камин, в котором никогда не горел. Он был лишь элементом дизайна.

Она была здесь. Я почувствовал это сразу. Воздух в доме изменился. Стал... плотнее. В нем появился едва уловимый чужеродный запах - тот самый, что я ощутил в ресторане. Запах дождя, страха и чего-то неуловимо женского.

Она сидела на самом краю дивана, сжавшись в комочек. На ней была та же одежда, что и в день нашей встречи - потертые джинсы и серый свитер. Она выглядела еще более хрупкой и потерянной в этом гигантском, бездушном пространстве. Ее руки лежали на коленях, пальцы сцеплены в замок так сильно, что костяшки побелели.

Я молча прошел к бару, встроенному в стену, и налил себе виски. Лед тихо звякнул о хрусталь. Она вздрогнула от этого звука. Я повернулся и оперся бедром о стойку, наблюдая за ней. Она не поднимала головы.

- Добро пожаловать домой, Жанна, - произнес я нарочито спокойно.

Она медленно подняла на меня взгляд. В ее глазах больше не было огня. Только выжженная пустыня. Усталость, страх и безграничная ненависть, направленная на меня.

- Это не мой дом, - ее голос был тихим и хриплым. - Это тюрьма.

- Точка зрения зависит от положения, - я сделал глоток. - Для твоего брата мир за пределами этой "тюрьмы" сейчас гораздо опаснее. Кстати, о нем. Он в безопасности. Его перевели в чистое место, врач его осмотрел. Через пару дней, когда он придет в себя, ему дадут телефон, и он сможет позвонить тебе. Один раз. Чтобы ты убедилась, что я держу свое слово.

Ее плечи едва заметно расслабились. Это была единственная ниточка, за которую она сейчас держалась. Судьба брата. И я это прекрасно понимал.

- Что... что вы от меня хотите? - прошептала она.

Я поставил бокал и медленно подошел к ней. Остановился в паре шагов, возвышаясь над ее съежившейся фигуркой. Она инстинктивно вжалась в диван, словно пытаюсь слиться с ним.

- Я хочу, чтобы ты усвоила правила. Их немного, но они нерушимы. Правило первое: ты принадлежишь мне. Твое тело, твое время, твое присутствие. Все это - мое. Ты не вещь, Жанна, нет. Вещи бездушны. Ты - моя собственность. С душой, полной ненависти ко мне. Это даже интереснее.

Я видел, как желваки заходили на ее скулах. Как она сжи-

мает кулаки.

- Правило второе: ты живешь здесь. Ты не покидаешь территорию дома без моего разрешения и моего сопровождения. Весь мир для тебя теперь сузился до этих стен и этого леса.

- Правило третье, - я понизил голос, заставляя ее вслушаться. - Ты делаешь то, что я говорю. Без вопросов, без пререканий и без истерик. Твое послушание - гарантия безопасности твоего брата. Каждый твой протест, каждая попытка пойти против моей воли будет иметь для него последствия. Ты меня поняла?

Она молчала, глядя в пол. Ее грудь часто вздымалась от сдерживаемой ярости.

- Я спросил, ты меня поняла? - повторил я уже жестче.

Она резко вскинула голову. В ее глазах на мгновение снова вспыхнул огонек.

- Поняла, - презрительно выплюнула она. - Я поняла, что вы - большое, садистское чудовище, которое упивается своей властью.

Я усмехнулся. Впервые за вечер. Вот она. Та самая девочка из ресторана. Она не сломалась до конца.

- Приятно, что мы так быстро пришли к взаимопониманию, - я протянул ей руку. - Вставай. Я покажу тебе твою комнату.

Она смотрела на мою руку так, словно это была самая ядовитая в мире змея. Она не двинулась с места. Она с вызовом смотрела мне в глаза. Терпение - не самая сильная моя черта характера, но сегодня я был великодушен. Я просто взял ее за локоть. Ее кожа под свитером была ледяной. Она вскрикнула от неожиданности, но подчинилась, когда я рывком поднял ее с дивана, ставя на ноги. Она была такой легкой и хрупкой, что казалась невесомой.

Я повел ее по широкой лестнице на второй этаж. Наши шаги гулко отдавались в тишине дома. Я чувствовал, как она дрожит. Но не от холода. А от смеси страха и омерзения ко мне.

Дверь в конце коридора я открыл сам. Комната была огромной, с панорамным окном во всю стену, выходящим на ночной лес. Большая кровать с белоснежным бельем, минималистичная мебель из светлого дерева. Рядом с кроватью была дверь, ведущая в просторную ванную, отделанную се-

рым мрамором, и еще одна - в гардеробную.

Я подвел ее к гардеробной и распахнул дверцы. На вешалках висели ряды одежды. Кашемировые свитера, шелковые блузки самых разных цветов и оттенков, платья, джинсы, брюки. На полках - коробки с обувью. Все новое, дорогих марок, подобранное профессиональным шоппером по размерам из ее досье.

- Это все твое, - сказал я, наблюдая за ее реакцией. - Твоя старая одежда будет сожжена. С этой минуты ты носишь только то, что я для тебя выбрал.

Ее лицо исказилось гримасой ненависти. Это был последний, самый унижительный штрих. Он не просто запер ее, он стирал ее прошлое, ее личность, даже ее скромную одежду, заменяя все своим.

- Прими душ. Переоденься. Через час жду тебя внизу. У нас будет первый ужин.

Я развернулся, чтобы уйти.

- Я не голодна, - бросила она мне в спину.

Я остановился в дверях, не оборачиваясь.

- Это было не предложение, Жанна. Это было правило номер три.

Я вышел и прикрыл за собой дверь, не запирая ее. Замки были не нужны. Она знала, что заперта куда надежнее, чем любой стальной засов. Стоя в тихом коридоре, я прислушался к звукам из ее комнаты. Сначала там была оглушительная тишина. Потом раздался звук разбитого стекла.

Я усмехнулся. Она швырнула что-то стеклянное и хрупкое в стену. Хорошо. Значит, огонь в ней еще не погас. Игра будет долгой и увлекательной. Скучать с таким огнем в характере этой кареглазой платинововолосой дерзкой бестии мне определенно не придется.

Глава 4. В логове чудовища. Жанна

Ожидание было хуже пытки. После моего короткого, безжизненного "я согласна" в телефонную трубку, мир замер. Я сидела на диване в своей крохотной студии и смотрела в одну точку. Часы на стене тикали, отмеряя последние минуты моей свободы. Каждый шорох за дверью заставлял сердце ухать куда-то в район пяток. Я не собирала вещи. Он сказал не брать. Он хотел забрать меня такой, какая я есть - в потертых джинсах и старом свитере, чтобы потом стереть и переделать под себя.

Когда в дверь постучали - не позвонили, а именно постучали, тремя короткими, властными ударами - я вздрогнула, как от выстрела. Ноги моментально стали ватными и непослушными. Я подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной площадке перед моей дверью стоял высокий мужчина в строгом черном пальто. Лицо - полная непроницаемая маска. Я знала, кто это. Это был тот человек, который всегда стоял за спиной Северцева на фотографиях в светской хронике. Его фактическая тень.

Я открыла дверь.

- Жанна Снежина? - его голос был таким же безжизнен-

ным, как и его взгляд. - Марат Павлович ждет вас. Идемте.

Он не дал мне времени на раздумья, просто развернулся и пошел к лифту. У меня не было выбора. Я бросила последний взгляд на свою маленькую квартиру: на мольберт с незаконченным эскизом, на фотографию с Мишей на стене, на кружку на кухонном столе с остывшим кофе. На мою прошлую жизнь. Потом я вышла и тихо прикрыла за собой дверь, закрывая квартиру на ключ, и кладя ключ в потайной карман сумки.

Мы ехали в полном молчании. Огромный черный седан мчал по улицам города, и я смотрела в окно на размытые дождем огни, прощаясь со всем, что знала и любила. Спустя некоторое время, машина свернула с оживленной трассы, и городские пейзажи сменились высокими заборами и темными силуэтами сосен. Мы ехали так долго, что я потеряла счет времени и ориентацию в пространстве. Он вез меня будто на край света. В свою личную преисподнюю.

Его дом оказался не домом, а скорее современным бункером. Крепостью из стекла и бетона, вросшей в лесной склон. Когда тяжелые ворота за нашими спинами закрылись с глухим стуком, я поняла - это был конец моей свободы. Ловушка захлопнулась.

Водитель провел меня внутрь и оставил одну посреди гигантской, холодной гостиной. Я чувствовала себя песчинкой в этом огромном, гулком пространстве. Все здесь кричало о власти и деньгах его хозяина. О его ледяном, бездушном характере. Я села на самый краешек дивана, потому что ноги отказывались дальше меня держать. И стала ждать его приезда.

Когда он вошел в дом поздним вечером, я почувствовала его раньше, чем увидела. Воздух словно стал гуще, и наэлектризовался его аурой. Он двигался с ленивой грацией хищника, абсолютно уверенный в себе на своей территории. Его спокойный голос, сказавший мне "добро пожаловать домой", прозвучал как самое изощренное издевательство.

Я пыталась держаться. Пыталась сохранить хотя бы крупицу гордости. Но его слова о правилах, его тихий, ровный голос, произносящий чудовищные вещи, ломали меня изнутри. "Ты принадлежишь мне". "Моя собственность". Каждое слово было клеймом, которое он выжигал на моей душе. Я смотрела в его серые, абсолютно пустые глаза и видела в них лишь холодный расчет. Ни похоти, ни страсти. Лишь желание полного, тотального контроля.

Когда он схватил меня за локоть, я вскрикнула не столько от боли, сколько от омерзения. Его прикосновение было

ледяным, как сталь. Он потащил меня наверх, и я покорно шла, чувствуя себя куклой в руках жестокого кукловода.

Комната, которую он мне показал, была прекрасна. Слишком прекрасна. Роскошная, стильная, с огромным окном, через которое на меня смотрела черная, безмолвная полоса леса. Это и была моя золотая клетка. Красивая снаружи, но все же клетка. А потом он открыл гардероб... И я окончательно сломалась.

Он не просто лишил меня свободы. Он лишал меня самой себя. Он хотел стереть Жанну Снежину, студентку-художницу, которая носила старые джинсы и любила яркие цвета, и создать вместо нее что-то свое. Послушную, красиво одетую игрушку.

Его приказ - "прими душ, переоденься, через час первый ужин" - прозвучал как пощечина. Мой тихий протест "я не голодна" был жалкой попыткой отстоять хоть какую-то свободу. Его ответ около двери окончательно пригвоздил меня к полу. "Это было правило номер три".

Когда дверь за ним закрылась, я несколько секунд стояла неподвижно, оглушенная. Тишина давила на уши. Я была одна. Совершенно одна в этом огромном, чужом доме, во власти монстра с обликом человека.

Я подошла к окну. Стекло было холодным и толстым. За ним - только деревья и ночная тьма. Побег был невозможен. Я шагнула в ванную. Серый мрамор, дорогая сантехника, стопка белых пушистых полотенец. На полочке у зеркала - новые, запечатанные зубная щетка, паста, дорогие кремы, шампуни. Он продумал абсолютно все.

Мой взгляд упал на тяжелый стеклянный флакон с какими-то духами, стоявший на туалетном столике. Ярость, горячая, слепая, затопила меня, вытесняя страх и отчаяние. Я схватила этот флакон. Он был тяжелым и холодным. Это была его вещь. Часть его мира, который он активно навязывал мне.

С криком, полным боли и бессилия, я швырнула флакон в стену. Стекло разлетелось на тысячи осколков с оглушительным звоном. По стене потекла ароматная жидкость, наполняя воздух приторно-сладким ароматом. Я смотрела на это месиво из стекла и дорогих духов и тяжело дышала.

Это было глупо. Бессмысленно. Я знала, что этот поступок лишь позабавит его. Но в тот момент это было единственное, что я могла сделать. Единственный способ прокричать ему без слов: "Я живая! Я ненавижу тебя! И я не сдамся!"

Я сползла по стене на холодный мраморный пол, прямо посреди осколков моей разбитой надежды. Слезы хлынули из глаз - горячие, злые. Я плакала от ненависти к нему и к самой себе. За то, что оказалась в этой клетке. За то, что была слишком слаба, чтобы найти другой выход.

Но даже утопая в слезах, я дала себе клятву. Он может владеть моим телом. Он может диктовать мне, что носить и что есть. Но он никогда не получит мою душу. Я буду бороться. До самого последнего вздоха. Я обязательно выживу в этом аду. Ради Миши. И ради себя самой. И однажды я заставлю Безумного заплатить за каждую мою слезинку, пролитую в его холодном, бездушном доме.

Глава 5. Урок послушания. Марат

Звон разбитого стекла был коротким и резким. В мертвой тишине моего дома он прозвучал, как выстрел. Я стоял в коридоре, спиной к ее двери, и не шелохнулся. Уголок моего рта едва заметно изогнулся в усмешке. Предсказуемо. Ожидание. И оттого - восхитительно. Ее бунт был похож на попытку мотылька пробить бронированное, пуленепробиваемое стекло. Бессмысленно, но красиво в своей отчаянной тщетности.

Я не пошел обратно. Не стал врываться в комнату и устраивать показательную порку. Это было бы слишком грубо, слишком просто. Власть - это не крик и не грубая сила. Это холодный, методичный контроль. Это знание, что противник сделает следующий ход именно так, как ты рассчитал, и умение использовать этот ход против него.

Я спустился в столовую. Это было еще одно огромное, безликое помещение, где стоял длинный стол из черного дерева, рассчитанный на двадцать персон. Я всегда сидел во главе. Сегодня я велел накрыть на двоих. Мое место - во главе стола. Ее - на противоположном конце стола. Максимальная дистанция. Она должна была чувствовать не только стены этой тюрьмы, но и пропасть, которая нас разделяет.

Ровно через час, как я и велел, она появилась в дверях.

Я оторвал взгляд от бокала с красным вином и окинул ее оценивающим взглядом. Она переоделась. Из всего многообразия одежды, что я ей предоставил, она выбрала самое простое: черные узкие брюки и свободный кашемировый свитер серого цвета. Никаких ярких пятен, никакой попытки понравиться или выделиться. Она выбрала цвета своей тюрьмы - серый и черный. Это было умно. Это была еще одна форма пассивного протеста.

Ее платиновые волосы были влажными после душа и аккуратно расчесаны. Лицо - бледное, чистое, без капли косметики. Она была похожа на измученного, но несломленного ангела, попавшего в ад. Темные круги под глазами стали еще заметнее, а сами глаза... В них плескалась такая концентрированная ненависть, что, будь у взглядов материальная сила, в моей груди уже зияла бы дыра.

Она остановилась, не зная, куда сесть.

- Садись, - мой голос разрезал тишину. Я указал подбородком на стул в дальнем конце стола.

Она безмолвно подчинилась. Прошла вдоль стола и села,

выпрямив спину, как на эшафоте перед казнью. Между нами было не меньше пяти метров полированного дерева.

Домработница бесшумно внесла блюда. Мне - стейк средней прожарки с кровью и спаржей. Ей - легкий салат и запеченная на пару форель с овощами. Я заботился о своих вещах. Они должны быть в идеальном состоянии.

- Надеюсь, сладкие запахи не испортили тебе аппетит, - начал я разговор, медленно разрезая мясо. Нож двигался в моих руках уверенно и точно. - Флакон был дорогим. Лимитированная серия.

Она вздрогнула, но не подняла на меня взгляда. Ее руки лежали на коленях под столом.

- Это было глупо, Жанна, - продолжил я ровным, почти отеческим тоном. - Ты испортила вещь, которая принадлежала тебе. Наказала саму себя. Завтра тебе принесут новый. Точно такой же. Любой твой акт разрушения будет лишь поводом для созидания. Моего созидания. Ты ничего не можешь уничтожить в этом доме. Только себя.

Она молчала. Ее подбородок был упрямо вздернут.

Мы ели в тишине. Точнее, ел я. Я наслаждался каждым

куском стейка, запивая его терпким, насыщенным вином. Я наблюдал за ней поверх бокала. Она не притронулась к еде. Просто сидела, глядя в свою тарелку невидящим взглядом.

- Ты не ешь, - констатировал я, отложив нож и вилку.

- Я не хочу. - Это не имеет значения, - я откинулся на спинку стула, сцепив пальцы на руках.

- Это не имеет значения, - я откинулся на спинку стула, сцепив пальцы на руках. - Правило 3. Ты делаешь то, что я говорю. Сейчас я говорю тебе есть.

- Я не могу, - прошептала она. - Меня тошнит от одного вашего вида.

Вот оно. Огонь. Она не могла сдержать его. Он все равно прорывался наружу. Я почувствовал, как по венам пробежал знакомый холодный азарт.

- Твои чувства меня не интересуют, Жанна. Меня интересует только твое подчинение. Твое тело должно функционировать. А для этого ему нужна энергия. Ты будешь есть. Сейчас.

Она подняла на меня взгляд, полный слез и вызова.

- А если нет? Что вы сделаете? Ударите меня? Будете за-
пихивать еду мне в глотку силой?

- Нет, - я покачал головой, не отрывая от нее взгляда. - Я
не трону тебя. Я просто позвоню Руслану. И он сломает тво-
ему брату палец. Завтра, если ты снова откажешься от еды,
он сломает ему второй. И так далее. У него десять пальцев
на руках и ногах. У тебя есть двадцать дней, чтобы уморить
себя голодом. Выбор за тобой.

Ужас. Чистый, неподдельный ужас затопил ее лицо, вы-
мывая из него остатки цвета. Она смотрела на меня так,
словно я действительно был дьяволом во плоти. Возможно,
так оно и было.

Ее рука дрожащей, непослушной марионеткой потянулась
к вилке. Пальцы никак не могли сомкнуться на холодном ме-
талле. Она сделала несколько попыток, прежде чем ей уда-
лось подцепить крошечный кусочек рыбы. Она поднесла его
ко рту, и я видел, как тяжело вздымается ее грудь, как она
борется с рвотными позывами.

Она заставила себя проглотить.

Потом еще кусок. И еще.

По ее щеке скатилась одинокая, крупная слеза и упала прямо в тарелку. Она не смахнула ее. Она просто продолжала есть, глядя в одну точку. Каждый кусок был пыткой. Каждое глотательное движение - актом капитуляции.

Я выиграл. Этот раунд был за мной.

Но, глядя на ее дрожащие плечи и эту единственную слезу, я впервые за долгие годы не почувствовал ничего похожего на удовлетворения победителя. Вместо этого внутри шевельнулось что-то иное. Раздражение. Незнакомое. Странная, неуместная заноза где-то под ребрами. Желание... стереть эту слезу.

Я резко отогнал эту мысль. Чуть. Эмоции - это слабость. А у меня нет слабых мест.

Я дождался, пока она съест хотя бы половину своей порции. Потом поднялся.

- Достаточно, - бросил я. - Можешь идти в свою комнату.

Она вскинула на меня испуганный, затравленный взгляд, словно не веря своему счастью. Она тут же встала, едва не опрокинув стул, и почти бегом выскользнула из столовой.

Я остался один в огромной пустой обеденной зоне. Подошел к панорамному окну, за который чернел ночной лес. Затем налил себе еще один бокал вина. Ее тарелка осталась на столе. Наполовину пустая. Моя первая и маленькая победа.

Тогда почему на языке был привкус не триумфа, а пепла?

Я смотрел в ночную тьму, но видел перед собой ее лицо. Эту дорожку от слезы на бледной щеке. И впервые за долгое время мой идеальный, выверенный мир дал трещину. Она была здесь, в моем доме, в моей полной власти. Это она принесла клетку с собой. И заперла в ней меня. Вместе со своим отчаянием, своей ненавистью и своим огнем.

Игра становилась куда сложнее, чем я предполагал. И, черт возьми, мне это нравилось. Скука окончательно отступила.

Глава 6. Инвентаризация ада. Жанна

Я бежала. Не оглядываясь, не разбирая дороги. Вверх по холодной мраморной лестнице, по длинному гулкому коридору. Я влетела в свою комнату - в свою роскошную, ненавистную клетку - и захлопнула за собой деревянную дверь. Звук удара показался оглушительным в мертвой тишине дома. Я прижалась к гладкому дереву спиной, тяжело дыша, словно пробежала марафон. Сердце колотилось где-то в горле, а во рту стоял горький привкус унижения и недоеденной рыбы.

Он победил. Легко, изящно, не повысив голоса и даже не прикоснувшись ко мне. Он нашел мою самую страшную уязвимость - Мишу - и превратил ее в поводок, за который теперь будет дергать, когда ему заблагорассудится. Слеза, упавшая в тарелку, была не простой слезой. Это была капля моей души, которую он выжал из меня и растоптал.

Я медленно сползла по двери на пол. В нос ударил приторно-сладкий, удушливый запах разбитых духов. Я посмотрела в угол комнаты. Осколки флакона уже были убраны. Пол и стена - идеально чистые. Словно ничего и не было. Словно

мой маленький бунт был всего лишь сном. Кто-то бесшумно вошел сюда, пока я была внизу, и стер все следы моего гнева. Эта мысль была страшнее любого крика. В этом доме даже мои эмоции подчищались без следа, как грязь с ботинок.

Я поднялась на ватных ногах и подошла к панорамному окну. Там, за стеклом, была непроглядная тьма и черные силуэты сосен. Ни огонька, ни звука. Я прижалась лбом к холодной поверхности. Я одна. Абсолютно одна во вселенной, наедине с чудовищем.

Первым делом я пошла в ванную и, склонившись над раковиной, долго полоскала рот, пытаясь смыть вкус его еды, его унижения. Потом встала под горячий душ, долго терла мочалкой кожу докрасна, словно могла смыть с себя его взгляд, его невидимые прикосновения.

Выйдя из душа, я снова зашла в гардеробную. Это место было средоточием моего рабства. Ряды вешалок с чужой, навязанной мне одеждой. Шелк, кашемир, тонкая шерсть... Я провела рукой по мягкой ткани одного из свитеров. Вещь была невероятно дорогой, я таких никогда в руках не держала. И она вызывала у меня только омерзение. Я перебирала вешалки, пока не нашла самое простое, что там было: черную хлопковую рубашку и свободные трикотажные брюки того же цвета. Моя униформа заключенной. В этом я хотя

бы не чувствовала себя наряженной куклой.

Спать я легла в огромную, холодную постель. Белоснежные простыни пахли морозом и крахмалом, они были чужими и неудобными. Я лежала с открытыми глазами, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к тишине. Тишина в этом доме была особенной. Не успокаивающей, а давящей, звенящей. Она была настолько плотной, что казалось, будто у меня заложило уши. Я привыкла к шуму города, к гулу машин за окном, к голосам соседей. Здесь не было ничего. Только я и он. Где-то в этом же доме, под одной крышей.

Я думала о Мише. Представляла его в какой-то чистой комнате, как сказал Северцев. Врач его осмотрел... Я цеплялась за эти слова, как утопающий за соломинку. Я должна верить ему. Не потому, что доверяю, а потому, что иначе сойду с ума. Мой брат жив, и он будет свободен. Это - цена всего. Моей гордости, моей воли, моей жизни.

В какой-то момент я тихо встала с кровати и тихо подошла к двери. Сердце стучало так громко, что я боялась, он его услышит. Я медленно, боясь скрипа, повернула ручку.

Дверь была не заперта.

Я замерла, не в силах поверить. Я могла выйти. Могла

пойти куда угодно в этом огромном доме. Но я знала - это иллюзия. Самая страшная тюрьма не та, что с решетками на окнах, а та, из которой не хочешь бежать сам. Он не запер дверь, потому что знал: я никуда не денусь. Мои цепи - это моя любовь к брату. И они были прочнее любой стали.

Я вернулась в постель. Сон по-прежнему не шел. Я лежала, и ненависть к нему горела во мне ровным, холодным пламенем. Она не давала мне расклеиться, не позволяла утонуть в жалости к себе. Она стала моим стержнем. Я буду жить. Я буду его еду и носить еду одежду. Я буду играть по его правилам. Но я буду наблюдать. Искать трещину в его броне. У каждого, даже у самого страшного монстра, есть слабость. И я найду ее. А когда найду - ударю со всей силы, что у меня есть.

Утро наступило внезапно. Просто темнота за окном сменилась серым, безрадостным светом. Я не спала ни минуты. Я встала, приняла душ, надела подобие вчерашней "униформы" - серый свитер и черные брюки. Расчесала волосы, посмотрела на себя в зеркало. На меня смотрела бледная девушка с огромными темными глазами, в которых не было ничего, кроме холодной, затаившейся ярости.

Спускаться вниз было страшно. Я не знала, чего ждать. Будет ли он там? Что он скажет? Что сделает? Каждый шаг

по лестнице отдавался гулким эхом в моем сердце.

Он был там. Сидел во главе стола в столовой, такой же огромной и пустой, как и вчера. На нем был идеально скроенный деловой костюм, но без пиджака, только в белоснежной рубашке с расстегнутым воротом. Он читал что-то на планшете и даже не поднял головы, когда я вошла. Словно я была предметом мебели.

На столе передо мной уже стояла тарелка с овсяной кашей, ягодами и стакан апельсинового сока. Запах еды вызывал тошноту. Но я помнила вчерашний урок. Помнила о пальцах Миши.

Я молча села и взяла ложку. Руки немного дрожали. Я заставила себя сделать первый глоток сока, потом съесть ложку каши. Она была безвкусной, словно бумага.

- Доброе утро, - его голос заставил меня вздрогнуть. Он все еще не смотрел на меня, его взгляд был прикован к экрану планшета.

Я промолчала. Говорить "доброе" в этом аду было бы верхом лицемерия.

- В этом доме есть большая библиотека. На втором этаже

в западном крыле, - продолжил он тем же ровным тоном. - Там есть все, от классики до современных альбомов по искусству. Можешь пользоваться ей. Это лучше, чем весь день смотреть на стену.

Он говорил так, будто дарил мне величайшую милость. Разрешал гулять по внутреннему дворику тюрьмы.

- Спасибо за вашу безграничную щедрость, - не удержалась я. Слова вырвались сами, тихие, но полные яда.

Вот теперь он оторвал взгляд от планшета и посмотрел на меня. Прямо в глаза. Его серые глаза были холодными, как зимнее небо. В них не было гнева, лишь ледяное спокойствие.

- Сарказм тебе не идет, Жанна, - произнес он медленно. - Он подразумевает наличие у тебя выбора. А у тебя его нет. Запомни это.

Он положил планшет на стол, встал, застегнул запонки на манжетах. Проходя мимо меня, он на мгновение остановился. Я замерла, сжав ложку в руке так, что побелели костяшки. Я чувствовала его присутствие за спиной, его тепло, его запах - дорогой парфюм, смешанный с запахом кофе.

- Ешь, - тихо бросил он мне в затылок и вышел из столовой.

Я сидела не шевелясь, пока звук его удаляющихся шагов не затих в конце коридора. И только тогда смогла выдохнуть.

Я доела кашу. До последней ложки. Не потому, что он приказал. А потому, что мне нужны были силы. Война только началась. И я не собиралась в ней проигрывать.

Глава 7. Моя личная головоломка. Марат

Мой мир - это мир абсолютного контроля, построенный на цифрах, логике и страхе. Люди в нем - активы, обязательства или расходный материал. Похищение человека для меня не более чем бизнес-операция: изъятие проблемного элемента с целью получения информации или рычага давления. Так было и с ее братом. Так должно было быть и с ней. Я приобрел ее, заплатив потенциальной свободой ее брата. Она стала моим активом, моей собственностью. Все просто и предельно ясно.

Но Жанна Снежина отказывалась быть просто цифрой в балансовом отчете.

Она была аномалией. Иррациональной переменной, которая вносила хаос в мои безупречные расчеты. Я сидел в своем кабинете на вершине города, и механически листал отчеты, но мой мозг с раздражающей настойчивостью анализировал другой объект. Ее.

Я помнил каждый нюанс прошедшего утра. Как она вошла в столовую - не сломленная жертва, а тихий, упрямый сол-

дат. Как выбрала самую невзрачную одежду, отвергая мою щедрость. Как ее пальцы сжимали ложку, пока костяшки не побелели. Она ела, подчиняясь моей воле, но каждый ее глоток был актом неповиновения. Она питала свое тело, чтобы продолжать ненавидеть меня.

Ее сарказм. Тихий, как укус змеи. "Спасибо за вашу щедрость". Эти слова были нарушением протокола. Рабы не дерзят своим хозяевам. Заложники не язвят своим похитителям. А она - посмела. И самое отвратительное, что часть меня, та часть, которая давно умерла от скуки, нашла это... интригующим.

Телефон на столе завибрировал. Звонил Руслан.

- Говори.

- Объект "Жанна". Проснулась в 6:50. Принимала душ около 17 минут. После душа оделась в серый свитер и черные брюки. Спустилась к завтраку в 7:28. Съела всю кашу и выпила сок. После вашего ухода оставалась в столовой еще 10 минут, неподвижно сидя на стуле. Затем поднялась на второй этаж. Осмотрела коридоры. Сейчас вошла в библиотеку.

- Одна?

- Да. Елена была на кухне. Они не пересекались.- Хорошо. Продолжай наблюдение. Никаких контактов. Она должна чувствовать себя в вакууме.

Я откинулся в кресле. Вакуум. Идеальная среда для того, чтобы сломать человеческую психику. Изоляция, отсутствие внешних раздражителей, полная зависимость от одного человека - от меня. Классическая методика. Но я почему-то сомневался, что на ней это сработает так, как нужно. В этой невинной с виду девушке был стальной стержень.

Я открыл на планшете скрытую папку. Досье. Жанна Снежина. 21 год. Студентка художественного колледжа. Родители погибли в автокатастрофе три года назад. Опекунотом стал старший брат Михаил. Не судима. Не привлекалась к административной и уголовным ответственностям. Никаких темных пятен. Чистый лист. Невинная. Чересчур невинная в криминальной драме, которую я для нее приготовил.

Именно ее невинность и была самой раздражающей деталью. Она была из другого мира. Мира, где люди доверяют друг другу, где полиция помогает, а за преступлением следует наказание. Я вырвал ее из этого мира и поместил в свой, где единственным законом была моя воля. И вместо того чтобы в ужасе съежиться, она смотрела на меня своими огромными карими глазами так, будто это я - ошибка при-

роды, а не она - пленница.

Моя власть над ней была абсолютной. Я мог сделать с ней все, что угодно. Мог войти в ее комнату ночью и взять то, что считал своим по праву сделки. Мысль была животной и откровенной. Я представил ее хрупкое тело под своим, ее страх, ее слезы... Но тут же отбросил эту картину. Это было бы слишком просто. Слишком грубо. Сила не в насилии над телом. Сила в полном подчинении разума. Я хотел, чтобы она не просто подчинилась. Я хотел, чтобы она признала мою власть. Чтобы она сама, добровольно, отдала мне все, включая свою душу, полную ненависти.

Вот это была задача, достойная меня. Не просто сломать игрушку, а перепрограммировать ее.

Я снова посмотрел на панораму города. Все это принадлежало мне. Я построил эту империю на костях врагов и руинах чужих надежд. Я был хищником на вершине. А она... она была странной, дикой птицей, случайно залетевшей в мой стальной мир. И я не собирался ее убивать. Я собирался научить ее петь те песни, которые нужны мне. Даже если для этого придется сломать ей крылья.

Я вызвал ассистентку.

- Отмени встречу в четыре. Я поеду домой раньше.

Мне нужно было ее увидеть. Убедиться, что стены моей крепости давят на нее. Что тишина сводит ее с ума. Мне нужно было увидеть ее глаза после нескольких часов одиночества.

Сегодня вечером ужин будет другим. Я сяду не на другом конце стола. Я сяду рядом.

Глава 8. Цена вдохновения. Жанна

После его ухода я еще долго сидела за столом в пустой столовой. Тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных напольных часов в холле, давила, сжимала виски. Я доела кашу. Механически, ложка за ложкой, не чувствуя вкуса. Это было топливо. Топливо для тела, которое должно выдержать эту войну.

Его слова о библиотеке были не предложением, а очередным ходом в его игре. Он не хотел, чтобы я сошла с ума от безделья, запертая в четырех стенах. Не из доброты душевной. Сумасшедшая игрушка быстро наскучит. Ему нужен был мой разум - ясный, острый, способный в полной мере ощущать всю глубину своего падения и его власти.

Я поднялась. Ноги были тяжелыми, словно к ним привязали гири. Я заставила себя пойти. Не потому, что он разрешил, а потому, что мне нужно было исследовать мою тюрьму. Знать ее границы, ее слабые места, если они вообще существовали.

Библиотека находилась в противоположном от моей комнаты крыле. Я шла по длинному коридору, стены которого были украшены странными, абстрактными картинами в тем-

ных рамах. Холодные, безжизненные полотна, полные ломаных линий и мрачных цветовых пятен. Они идеально вписывались в интерьер этого дома и были полным олицетворением своего владельца.

Дверь, ведущая в библиотеку, была двустворчатой, из темного, почти черного дерева. Я с усилием толкнула одну створку. Она поддалась без скрипа и шума.

Я замерла на пороге, пораженная величиим данного помещения.

Оно было огромным, двухэтажным, с галереей на втором ярусе, куда вела витая чугунная лестница. Стеллажи от пола до потолка были забиты книгами в кожаных и тканевых переплетах. Здесь пахло старой бумагой, кожей и пылью - запахом, который я всегда любила. В центре библиотеки стояли два глубоких кожаных кресел и кофейный столик. А у огромного, во всю стену, окна, выходящего в тот же хмурый сосновый лес, стоял массивный письменный стол.

Это было святилище. Храм знаний. И он принадлежал чудовищу. Этот диссонанс был почти физически болезненным. Как мог человек, способный на такую жестокость, собрать все это великолепие?

Я медленно пошла вдоль стеллажей, проводя пальцами по корешкам книг. Классическая литература, философия, история, бизнес... Все было расставлено в идеальном порядке. Я двигалась, как во сне, пока не наткнулась на секцию, посвященную искусству.

Мое сердце пропустило удар.

Огромные, тяжелые альбомы самых известных художников всех времен и народов. Рембрандт, да Винчи, Моне, Дега... Вся история мировой живописи стояла здесь, на этих полках. Я осторожно, словно боясь разбить, вытащила самый большой том - "Искусство Итальянского Возрождения".

Сев в одно из кресел, я положила тяжелую книгу на колени и открыла ее на первой странице. Я погрузилась в чтение.

Страница за страницей, я погружалась в мир, где не было Марата Северцева, не было страха и боли. Были только гении человеческой мысли, воплощенные в красках. Я рассматривала каждую деталь, каждый мазок, поражаясь тому, как сотни лет назад художники могли так точно передать складки ткани, блеск в глазах, живую теплоту кожи. Я забыла, где нахожусь. Я снова была просто Жанной, студенткой, влюбленной в искусство.

Время остановилось. Я не слышала, как в дом вернулась прислуга, не заметила, как время перевалило за полдень. Тихая женщина, которую, кажется, звали Елена, принесла мне на подносе обед - легкий суп и салат - и поставила на столик рядом. Я кивнула ей, не отрывая взгляда от книги, и машинально поела, когда желудок свело от голода.

Я оторвалась от книги, только когда свет за окном начал меркнуть, окрашивая прошедший день в вечерние сумерки. В библиотеке зажегся мягкий, теплый свет. Я подняла голову. В комнате было пусто. Свет включился автоматически. Еще одна деталь его идеального, контролируемого мира.

Я провела в библиотеке целый день. И впервые за последние несколько суток не думала о Мише каждую секунду. Вина тут же обожгла меня. Как я могла? Как я смела находить утешение, пока он страдает?

Я захлопнула книгу. Звук гулко разнесся по помещению. Все. Хватит. Это тоже его ловушка. Дать мне иллюзию покоя, чтобы потом с новой силой окунуть в ад.

Я вернулась в свою комнату. Приняла душ. Переделалась в чистое - снова в тот же серый свитер и черные брюки. Моя тюремная роба. Я сидела на краю кровати и ждала. Ждала его возвращения. Ждала нового витка пытки.

Он приехал раньше обычного. Я услышала звук подъехавшей машины, потом хлопок двери. Шаги в холле. Уверенные, хозяйские. Мое тело инстинктивно сжалось. Я заставила себя встать и пойти вниз. Лучше встретить опасность лицом к лицу, чем ждать, пока она придет за тобой.

Когда я вошла в столовую, он уже был там. Но что-то было не так. Вместо привычного делового костюма на нем были темные брюки и черная рубашка, рукава которой были закатаны до локтей, открывая вид на сильные запястья и на дорогие часы. Он стоял у окна, глядя на ночной лес и держал в руке бокал с виски.

Услышав мои шаги, он обернулся. И я замерла.

Стол сегодня был накрыт иначе. Не на противоположных концах, как в прошлый раз. Два прибора стояли рядом. Очень близко. На углу стола.

- Проходи, садись, - его голос был спокойным, но в нем слышались новые нотки.

Я медленно подошла к столу. Сесть рядом с ним... Это было невыносимо. Это было нарушением последнего барьера, последней безопасной дистанции. Но я помнила правило

номер три. Я села на стул, стараясь не касаться его, отодвинувшись на самый край. Мое тело превратилось в натянутую струну.

Он сел рядом. Так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от его тела. Ощущала тонкий, терпкий аромат его парфюма, смешанный с запахом виски. Я не смела дышать.

- Я слышал, ты провела весь день в библиотеке, - сказал он, беря в руки вилку и нож.

Я молчала, глядя в свою тарелку. Там лежала какая-то пахта с морепродуктами.

- Тебе понравилось? - его вопрос был настойчивым.

- Там много хороших книг, - выдавила я из себя, не поднимая на него глаз.

- Я рад, что ты оценила. Особенно альбому по искусству. Я собирал их много лет.

Он говорил об этом так просто. Будто мы старые знакомые, обсуждающие общее хобби. Эта маска нормальности была страшнее его угроз.

- Зачем? - вырвалось у меня.

Он поднял бровь.

- Зачем что?

- Зачем вам все это? Книги, картины... Вы же... - я осеклась, не решаясь закончить фразу. Вы же чудовище.

Он усмехнулся. Тихо, безрадостно.

- Даже у чудовищ есть свои слабости, Жанна. Моя - красивые вещи. Искусство. Оно идеально. Оно не предает, не лжет, не делает глупостей.

Мы снова ели в тишине. Но это была другая тишина. Напряженная, наэлектризованная его близостью. Я чувствовала его взгляд на себе. Он не просто ел. Он изучал меня. Каждый мой жест, каждый вздох. Я заставляла себя отправлять еду в рот, но куски застревали в горле.

Когда ужин был почти закончен, он отодвинул свою тарелку и повернулся ко мне.

- Я подумал, что альбомы - это хорошо. Но этого мало для художника.

Он протянул руку и положил на стол передо мной несколько предметов.

Я опустила взгляд. На белоснежной скатерти лежал совершенно новый альбом для эскизов в черной обложке и набор простых графитовых карандашей разной твердости. Мое дыхание перехватило.

Карандаши. Бумага. Часть меня. Часть моей души, которую, как я думала, я оставила за дверью своей старой квартиры.

Я смотрела на них, как замороженная. Мои пальцы зудели от желания взять карандаш, ощутить его гладкое дерево, провести грифелем по девственно-чистому листу.

- Это... зачем? - прошептала я.

- Я хочу посмотреть, что ты рисуешь, - его голос был тихим, почти интимным. - Я хочу увидеть мир твоими глазами.

Это было хуже любой угрозы. Он хотел не просто моего тела, не просто моего подчинения. Он хотел залезть ко мне в голову. В душу. Увидеть мои страхи, мои мечты, мою боль, воплощенную на бумаге.

- Я... я не могу, - мой голос дрогнул. - Я больше не рисую.

- Ложь, - резко отрезал он. - Ты не можешь не рисовать. Это то же самое, что не пытаться дышать.

Он подвинул альбом еще ближе ко мне. Наши пальцы случайно соприкоснулись. Его кожа была горячей. Меня словно ударило током. Я резко отдернула руку, как от огня. Отвращение и странный, непонятный трепет обожгли меня изнутри.

- Возьми, - приказал он.

Я смотрела в его серые глаза. В них не было приказа. В них было что-то другое. Холодное любопытство исследователя, который ставит эксперимент над редким и непонятным существом.

Медленно, словно чужой рукой, я взяла альбом и карандаши. Они казались тяжелыми. Тяжелыми от цены, которую я за них платила.

- Можешь идти, - сказал он, отворачиваясь и снова беря в руки бокал.

Я вскочила из-за стола и, прижимая к груди альбом с карандашами, как щит, почти выбежала из столовой.

Вернувшись в свою комнату, я села на пол, прислонившись спиной к кровати. Положила альбом и карандаши перед собой. Они лежали на сером ковре, черное и белое. Мое спасение и мое проклятие.

Рисовать - значит, принять его дар. Принять правила его игры. Признать, что моя жизнь теперь здесь. Но не рисовать... Он был прав. Это было все равно что не дышать.

Я сидела в тишине своей золотой клетки, и впервые за все это время меня охватило не только отчаяние, но и растерянность. Он был не просто жестоким бандитом. Он был и умным, расчетливым и дьявольски проницательным игроком. И он только что сделал свой самый сильный ход. Он дал мне в руки оружие, которое я не знала, куда направить - на него или на саму себя.

Глава 9. Незапланированный импульс. Марат

Я ушел с работы в три. Беспрецедентный случай. Моя ассистентка проводила меня удивленным взглядом, но не посмела задать ни единого вопроса. Мои решения не обсуждаются. Они исполняются.

Весь день я не мог сосредоточиться. Цифры в отчетах расплывались, голоса партнеров на совещании казались фоновым шумом. Передо мной стояло ее лицо. Бледное, с огромными карими глазами, в которых плескалась такая ярость, что она могла бы сжечь этот город дотла. Ее тихий, ядовитый сарказм за завтраком. "Спасибо за вашу безграничную щедрость". Эта фраза крутилась у меня в голове, как заевшая пластинка.

Она была не похожа на других. Женщины в моем мире делились на две категории: хищницы, охотящиеся за моими деньгами и статусом, и жертвы, трепещущие от одного моего взгляда. Жанна не вписывалась ни в одну из них. Она была жертвой по обстоятельствам, но хищницей по духу. Несломленная. Пока.

И это превратило ее из просто актива в навязчивую идею. В сложнейшую головоломку, которую мне нестерпимо захотелось решить.

По дороге домой я заехал в один из лучших художественных магазинов города. Я лично выбирал альбом. Бумага должна быть плотной, фактурной, способной выдержать сильное нажатие карандаша, уголь, возможно, даже акварель. Я выбирал карандаши, перебирая их гладкие деревянные грани. Я делал это с холодной, методичной точностью, с какой обычно выбираю оружие или объект для инвестиций. Но где-то в глубине сознания шевельнулось незнакомое чувство. Предвкушение.

Это был не подарок. Это был инструмент. Троянский конь, которого я собирался заслать за стены ее обороны. Я хотел увидеть ее душу. Хотел, чтобы она выплеснула на бумагу всю свою ненависть, весь свой страх, все свое отчаяние. Ее рисунки расскажут мне о ней больше, чем любые досье и отчеты Руслана. Они покажут мне ее слабые места.

Когда я вошел в дом, он показался мне другим. Менее пустым. Я знал, что она здесь. И это знание меняло все. Я прошел в столовую и велел Елене накрыть стол в углу. Близость. Следующий этап. Нарушение личного пространства - мощнейший инструмент давления и контроля.

Я ждал ее, стоя у окна. Я услышал ее шаги на лестнице - легкие, почти неслышные. Она вошла, и в отражение окна я увидел, как в ее глазах промелькнула паника, когда она увидела сервировку. Она все поняла. Она была умной девочкой.

За ужином я наблюдал за ней. За тем, как напряжена ее спина. Как она старается сидеть как можно дальше, но узкое пространство за столом не позволяет ей этого. Я вдыхал едва уловимый запах ее чистоты и чего-то неуловимо сладкого, исходящий от ее волос и кожи. Этот запах сводил с ума своей естественностью, своей невинностью. Он был чужеродным в моем стерильном, пахнущем дорогим парфюмом и кожей мире.

Мой вопрос о библиотеке был не праздным любопытством. Я хотел заставить ее говорить. Вытащить ее из скорлупы молчания. Ее ответ был сдержанным, но я видел, как блеснули ее глаза при упоминании книг. Я попал в точку. Искусство - ее территория. Ее убежище. И я только что вторгся и в него.

Когда я положил перед ней альбом и карандаши, я увидел в ее глазах всю гамму эмоций. Шок, жадное желание, страх и ненависть. Весь спектр эмоций, который она так тщательно скрывала. Она хотела их. Боже, как она хотела их. Это было

написано на ее лице, в том, как дрогнули ее пальцы.

И в этот момент, когда наши руки случайно соприкоснулись, я сам ощутил нечто неожиданное. Ее кожа была мягкой и прохладной. И от этого мимолетного касания по моей руке вверх пробежал разряд статического электричества. Резкий, обжигающий. Мое тело, привыкшее к полному контролю, отреагировало раньше, чем мозг успел проанализировать ситуацию. На долю секунды я ощутил первобытный, мужской импульс, - сжать ее тонкое запястье, притянуть к себе...

Я тут же подавил это. Слабость. Недопустимая, животная реакция. Но она была. И это невероятно злило.

Я отстранился, снова надевая маску холодного безразличия. "Можешь идти". Я отослал ее, потому что ее близость стала опасной. Она была катализатором для реакций, которые я в себе давно похоронил.

Когда она ушла, я еще долго сидел в тишине. Потом поднялся в свой кабинет. Это была моя настоящая цитадель. Несколько мониторов, на которые выводились изображения со всех камер в доме. Я включил тот, что показывал ее комнату.

Камера была установлена в датчике дыма на потолке. Идеальный угол обзора.

Она сидела на полу. Альбом и карандаши лежали перед ней. Она не двигалась. Просто смотрела на них. Я видел ее профиль, напряженную линию плеч, сжатые губы. Я мог бы увеличить изображение и рассмотреть каждую ее ресничку, но не стал. Я наблюдал за ней, как ученый наблюдает за ходом важнейшего эксперимента.

Что она сделает? Сломает карандаши в приступе ярости? Выбросит альбом? Или поддастся искушению?

На столе завибрировал телефон. Звонил Руслан.

- Слушаю.

- Марат Павлович, по объекту "Михаил". Он полностью пришел в себя. Синяки почти прошли, врач говорит, состояние стабильное. Готов к звонку, как вы и приказывали. Он ждет.

- Отлично. Пусть ждет дальше. Звонок состоится тогда, когда я решу, что время пришло. Не раньше.

Я сбросил вызов. Козырь должен оставаться в рукаве. Те-

лефонный звонок брату - это награда. А награду нужно заслужить. Например, первым рисунком в этом альбоме.

Я снова посмотрел на монитор. Она по-прежнему сидела неподвижно. Время шло. Она не шевелилась. Ее неподвижная поза была громче любого крика. Это был ее способ сопротивления. Пассивный и изматывающий.

Я откинулся в кресле. Уголок моих губ дрогнул в усмешке. Она оказалась еще интереснее, чем я думал. Упрямая. Гордая. Она боролась. Боролась не только со мной, но и с самой собой. С собственной природой.

И я был готов ждать. У меня было все время мира. Я буду наблюдать за этой борьбой. И когда она, наконец, сломается и возьмет в руки карандаш, я буду там. Я увижу это. И это будет моя победа. Не просто подчинение тела, а капитуляция души.

Головоломка еще не решена. Но я уже нашел к ней ключ. Имя этому ключу - искусство.

Глава 10. Ледяное мастерство. Жанна

Ночь прошла в странном, лихорадочном оцепенении. Я не спала. Я сидела на полу, поджав под себя ноги, и смотрела на черный прямоугольник альбома и ровный ряд карандашей, лежащих рядом. Они были как змей-искуситель, брошенный в мою золотую клетку. Его дар и его оружие.

Я боролась сама с собой. Одна часть меня, гордая и упрямая, кричала: "Не прикасайся! Не давай ему залезть тебе в душу!". Эта часть хотела сжечь альбом, сломать каждый карандаш, растереть их в пыль и развеять по ветру, если бы только в этой комнате было окно, которое можно открыть.

Но другая часть, измученная, истерзанная страхом и одиночеством, шептала совсем иное. Она помнила, как дрожат пальцы от желания творить. Помнила спасительное чувство, когда весь мир сужается до кончика грифеля и белого листа, когда можно выплеснуть на бумагу то, что невозможно произнести словами. Эта часть меня, часть художника, отчаянно хотела спастись. Хотя бы на час. Хотя бы на несколько минут.

Эта борьба продолжалась до самого рассвета. Серое, безрадостное утро просочилось сквозь панорамное окно, и я поняла, что проиграла. Или выиграла. Я уже не знала.

Мои пальцы, словно сами по себе, потянулись вперед. Я взяла один из карандашей. Твердость "2В". Мой самый любимый. Он был идеально заточен. Я ощутила его знакомый вес, гладкое лакированное дерево, холодный грифель. Потом я взяла в руки альбом. Дорогой. Идеальной формы.

Я села за небольшой стол у окна. Что рисовать? Его лицо, искаженное гримасой жестокости? Решетки, которых не было на окнах, но которые я чувствовала повсюду? Своего брата, измученного и окровавленного? Нет. Этого я ему не покажу. Я не отдам ему свою боль так просто.

Мой взгляд упал на лес за окном. Сосны. Высокие, прямые, гордые деревья. Их темные стволы уходили в небо, а колючие ветви переплетались, создавая плотную, непроницаемую стену. Они были такими же пленниками этого места, как и я. Посаженные в землю, неспособные уйти. Они были идеальной метафорой моей тюрьмы.

И я начала рисовать.

Сначала рука не слушалась и дрожала. Первая линия по-

лучилась неуверенной и рваной. Я заставила себя выдохнуть, на секунду закрыть глаза и отбросить все мысли на свободу. Есть только, бумага и карандаш.

И мир вокруг меня исчез.

Звуки дома, ожидание его шагов, страх, ненависть - все это отступило на второй план. Я погрузилась в процесс с головой, как ныряльщик в глубокие воды океана. Штрих за штрихом, я создавала на бумаге то, что видела перед собой. Я прорисовывала каждую иголку, каждую трещинку на коре, игру света и тени на стволах. Я работала быстро, жадно, словно боялась, что меня прервут, что это наваждение закончится.

Это было больше, чем просто рисование. Это был акт самоутверждения. Я не могла контролировать свою жизнь, но я могла контролировать каждую линию на этом листе. Я не могла вырваться из этого дома, но я могла создать свой собственный мир внутри этих четырех линий рамки. В этом мире я была богиней.

Я не заметила, как прошло утро. Не услышала, как Елена тихо поставила на стол поднос с завтраком. Я очнулась только тогда, когда моя спина затекла от долгого нахождения в одной позе, а пальцы свело судорогой от постоянного напря-

жения рук.

Я отложила карандаш и посмотрела на свою работу.

Это был лес. Детальный, фотографически точный. Но в нем не было жизни. В нем была только холодная, отстраненная красота. Идеальная геометрия стволов, безупречная штриховка тени. В нем не было ни капли моих чувств. Ни страха, ни отчаяния. Только ледяное мастерство художника.

Я вырвала лист из альбома. Аккуратно, стараясь не порвать.

Пусть смотрит. Пусть анализирует. Он хотел увидеть мир моими глазами? Вот он. Холодный, чужой и бездушный. Такой же, как и он сам.

Я положила рисунок на самое видное место - на подушку своей идеально заправленной кровати. Это был мой ответ. Мой вызов.

Потом я взяла поднос и впервые за все это время поела с чем-то, похожим на аппетит. Я съела все до последней крошки. Мне нужны были силы. Потому что я знала: игра только начинается. И я только что сделала свой первый ход.

Глава 11. Триумф наблюдателя. Марат

Я наблюдал за ней всю ночь. Не отрываясь от картинки на мониторе. Мой кабинет был погружен во мрак, горел лишь один монитор, на котором, как в немом кино, разворачивалась драма ее души. Я видел ее борьбу. Ее неподвижную фигуру на полу, ее сомнения, ее метания. Я ждал. Терпение - ключевой ресурс любой стратегической операции, будь то враждебное поглощение компании или подчинение воли одного человека.

Когда на рассвете ее рука потянулась к карандашу, я почувствовал укол чистого, незамутненного триумфа. Она сдалась. Она приняла мой дар и, следовательно, мои правила.

А потом она начала рисовать. И я, человек, которого давно перестало что-либо удивлять, был заинтригован. Я ожидал чего угодно: слезливой сцены, портрета брата, карикатуры на меня. Но она выбрала лес за окном. Стены своей тюрьмы.

Я смотрел, как она работает. Полное погружение в рабочий процесс. Абсолютная концентрация. Она была прекрас-

на в этот момент. Не женской красотой, к которой я привык - а выверенной, искусственной, созданной для соблазнения. Это была красота чистой, созидательной силы. Красота таланта. И эта красота принадлежала мне.

Когда она закончила и положила рисунок на подушку, я понял - это послание. Адресованное лично мне.

Я дождался, пока она спустится на завтрак. Дал себе полчаса ожидания. Затем бесшумно поднялся на второй этаж и вошел в ее комнату. Воздух здесь был пропитан ее запахом - тонким, едва уловимым. Запах чистоты, бумаги и графитовой пыли.

Рисунок лежал на белоснежной наволочке подушки. Черное на белом. Контраст был разительным.

Я взял лист в руки. Бумага казалась теплой от ее рук. Я поднес его ближе к глазам. И усмехнулся.

Это было безупречно. Техника - идеально ровная. Композиция, перспектива, работа со светом и тенью - все было на высшем уровне мастерства. Любой художественный критик пришел бы в полнейший восторг. Но я не был критиком. Я - тот, кто читает между строк.

А между строк здесь была пустота. Ледяная, звенящая пустота. Это был не просто лес. Это был барьер. Стена, которую она выстроила между нами. Она выполнила мое невысказанное желание, но не дала мне ничего. Ни единой эмоции. Ни капли своей души.

В самом низу была надпись, оставленная ее рукой: "Хочешь увидеть мир моими глазами? Вот он. Смотри. Он такой же холодный и мертвый, как и твой".

Она была умнее, чем я предполагал. Гораздо умнее. Она не стала бунтовать открыто - это было бы глупо и предсказуемо. Она выбрала саботаж. Итальянскую забастовку. Она делает то, что я хочу, но делает это так, что я не получаю желаемого мной результата.

Я вернулся в свой кабинет, унося рисунок с собой. Я положил его на стол рядом с клавиатурой. Он лежал там, как немой укор и одновременно был вызовом для меня. Этот лист бумаги стал новой точкой отсчета. Она не просто жертва. Она - противник. И весьма достойный противник.

Игра перешла на новый уровень.

Теперь простого давления и угроз будет недостаточно. Чтобы сломать такую, как она, нужен более тонкий инстру-

мент воздействия. Ей нужна надежда. Маленький лучик света в ее темной камере. Чтобы потом, когда я его погашу, темнота показалась ей еще чернее.

Я набрал номер Руслана.

- Да, Марат Павлович.

- Готовь звонок для нее. С братом.

- Когда?

Я посмотрел на рисунок леса на своем столе. На его холодную, неприступную красоту.

- Завтра. И я хочу, чтобы ты все подготовил. Разговор будет вестись в моем кабинете и исключительно на громкой связи. Не дольше, чем пару минут. Тщательно проинструктируй ее брата. Он должен сказать ей правильные слова. Что он в порядке, и что она должна слушаться. Полностью и беспрекословно.

- Будет сделано.

Я повесил трубку.

Она дала мне холодный, лишенный души рисунок. А я дам ей в ответ голос ее живого брата. Посмотрим, что она нарисует после их разговора.

Я откинулся в кресле, глядя на ее лес на бумаге. Да, Жанна Снежина. Ты бросила мне вызов. И я его принимаю. Но не забывай, в этой игре я устанавливаю правила. И я всегда выигрываю.

Глава 12. Слезы и графит. Жанна

Следующий день начался с тишины. Гнетущей, напряженной тишины. Я спустилась к завтраку, и стол снова был накрыт на разных концах. Он вернул дистанцию. Мое послание было получено и понято правильно. Когда я вернулась в комнату после завтрака, рисунка в моей комнате уже не было. Он забрал его, пока я завтракала, и именно эти я охарактеризовала его отсутствие на завтраке в столовой. Мысль о том, что он рассматривал мою работу, анализировал ее, вызывала смесь отвращения и странного, извращенного удовлетворения. Я смогла до него достучаться.

Он не появился и за обедом. Весь оставшийся день я провела в библиотеке, но так и не смогла сосредоточиться на чтении. Я сидела в кресле с книгой на коленях, но взгляд бездумно скользил по строчкам, не воспринимая смысла. Буквы расплывались перед глазами, упорно отказываясь складываться в слова и предложения. Я терпеливо ждала. Ждала его реакции, его следующего хода. Неизвестность была хуже любой самой болезненной пытки.

Ближе к вечеру в библиотеку вошла Елена.

- Жанна, Марат Павлович просит вас зайти к нему в ка-

бинет.

Мое сердце тревожно ухнуло в пятки. В его кабинет. В святая святых его дома. Я еще ни разу там не была. Это было новое нарушение границ, новый уровень вторжения на его частную территорию.

- Сейчас иду, - сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал от волнения и страха. Положив книгу на стоящий рядом с креслом столик, я встала на негнущихся ногах, и пошла к двери, с трудом переставляя вдруг ставшими ватными ноги.

Я шла за Еленой по коридору, и каждый шаг отдавался гулким эхом в груди. Дверь его кабинета была такой же, как в библиотеку - из темного, почти черного дерева. Елена деликатно постучала и, получив короткое "Войдите" с той стороны двери, открыла ее передо мной и тут же удалилась, оставив меня одну на пороге его кабинета.

Кабинет поражал своим размером. Одна стена - панорамное окно с видом на ночной лес. Другая - несколько больших мониторов, на которых были какие-то графики и таблицы. В центре кабинета - массивный стол, за которым сидел он. Марат Северцев. Властелин этого мира.

Он был в черной рубашке, как и вчера. Он не смотрел на

меня. Его взгляд был прикован к телефону, который стоял перед ним на специальной подставке для смартфонов.

- Подойди, - приказал он, не поднимая головы.

Я сделала несколько неуверенных шагов и остановилась перед его столом. Между нами была пропасть из полированного дерева.

- Ты хотела убедиться, что твой брат жив и с ним все в порядке, - сказал он ровным, деловым тоном. - Сейчас у тебя будет такая возможность.

Я замерла, не веря своим ушам.

- У тебя будет ровно две минуты. Разговор будет вестись по громкой связи. Любая попытка сказать что-то лишнее - и я вешаю трубку, а твой брат лишается своего первого пальца. Ты меня поняла?

Я судорожно кивнула, не в силах произнести ни слова. Горло перехватило спазмом.

Он нажал кнопку вызова на телефоне. Пошли длинные, протяжные гудки. Они звучали, как удары молота по моей голове. Один. Второй. Третий.

А потом на том конце ответили.

- Алло? - голос был хриплым, уставшим, но это был его голос. Это был голос Миши.

- Миша! - вырвалось у меня. Слезы хлынули из глаз, я даже не пыталась их сдержать. - Миша, это я, Жанна! Ты живой!

- Жанка... - в его голосе прозвучало облегчение и бесконечная боль. - Тише, сестренка, тише. Я живой. Со мной... со мной все нормально. Меня не обижают.

Я слышала ложь в его словах. Слышала нотки страха в его голосе. Но я также слышала, как бьется его сердце. Он был жив и это самое главное.

- Миша, я... я все сделаю, чтобы тебя вытащить, слышишь?- Нет! - его голос стал тверже, в нем зазвучали заученные нотки. - Жанна, слушай меня внимательно. Ты должна делать все, что тебе говорят. Все, что говорит... этот человек. Не зли его. Пожалуйста. Ради меня. Будь умницей. Я тебя очень люблю.

Каждое его слово было гвоздем, вбиваемым в крышку мо-

его гроба. Он просил меня покориться. Он сам надевал на меня ошейник вечной игрушки Безумного.

- Время вышло, - холодно напомнил Марат.

- Я тоже тебя люблю, Миша! Очень! - успела выкрикнуть я, прежде чем он отключил звонок.

И в трубке раздались короткие гудки, ознаменовавшие конец разговора.

Все. Две минуты жизни закончились.

Я стояла посреди его кабинета и рыдала. Беззвучно, сотрясаясь всем телом. Слезы текли по щекам и падали на дощатый деревянный пол, впитываясь в древесину. Я была раздавлена. Он дал мне самое большое счастье - услышать голос брата, и тут же отнял его, превратив этот разговор в самое страшное унижение в моей жизни.

- Можешь идти, - лениво бросил он, снова уставившись в свои мониторы и больше не обращая на меня никакого внимания. Словно меня тут не было. Словно этого душераздирающего двухминутного разговора не происходило.

Я не помню, как вышла из кабинета. Как дошла до своей

комнаты. Я рухнула на кровать и провалилась в темноту.

А когда очнулась, посреди ночи, меня трясло от ярости. От ненависти к нему. От бессилия и этой ситуации в целом.

Он думал, что сломал меня? Думал, что этой никчемной подачкой купил мое послушание и покорность?

Я вскочила с кровати, схватила альбом и карандаш. Руки тряслись, но я заставила их подчиняться. Я не буду рисовать холодный лес. Я не буду прятать свои чувства. Он хотел увидеть мир моими глазами? Он увидит.

Я начала рисовать. Я рисовала Мишу. Таким, каким я увидела его на той ужасной фотографии из подвала. Разбитое лицо. Запекшаяся кровь на губе. И глаза. Полные боли, страха и мольбы. Я вкладывала в каждый штрих всю свою ненависть к этому человеку, всю свою любовь брату, все свое отчаяние. Карандаш крошился в моих пальцах, грифельная пыль смешивалась со слезами на бумаге, превращаясь в грязные пятна.

Я рисовала до самого утра. И когда наконец закончила, на листе было не просто лицо. Это был крик. Безмолвный, яростный крик, исходящий из самых глубин моей души.

Я вырвала лист из альбома, не заботясь об аккуратности. И положила его на то же самое место, что и в прошлый раз. На свою подушку.

Теперь пусть смотрит и наслаждается произведенным эффектом. Пусть видит, что он наделал своим жестоким действием. Это больше не было игрой. Это была самая настоящая война.

Глава 13. Холод и Агония. Марат

Звонок прошел идеально. Точно по сценарию. Я наблюдал за ней, за ее реакцией. Слезы, облегчение, потом шок от слов брата, и, наконец, полное, сокрушительное опустошение. Она была похожа на марионетку, у которой обрезали все нити. Я выбил почву у нее из-под ног. Я дал ей надежду и тут же показал, что эта надежда - еще один мой поводок. Я ожидал, что после этого она сломается. Будет тихой, послушной и подавленной.

Я ошибся.

Когда на следующее утро я вошел в ее комнату, чтобы забрать поднос с нетронутым вчерашним ужином, я увидел его. Новый рисунок. На том же самом месте, что и предыдущий. Он лежал белым пятном на ее черной подушкой.

Я замер на пороге комнаты.

С листа на меня смотрело лицо ее брата. Но это был не просто портрет. Это было ее негласное обвинение в мой адрес. Приговор моим жестоким действиям. Каждая линия, каждый штрих кричал о боли. Я видел не просто синяки и ссадины - я видел страх в его глазах, тот самый, который мои

люди старательно вбивали в него несколько дней подряд. Я видел мольбу, обращенную к сестре. И я видел ее любовь и ее ярость, воплощенные в яростном нажиме карандаша, в размазанных пятнах графита, где к нему, очевидно, примешались ее слезы.

Это было... интригующе.

Холодный, техничный пейзаж леса вызывал уважение к ее мастерству. Этот портрет вызывал нечто иное. Чувство, которое я давно не испытывал. Он был настоящим произведением искусства, рожденным из агонии.

И эта агония была делом моих рук.

Я взял рисунок в руки. Он не был похож на предыдущий. Бумага была измята там, где ее слишком сильно сжимали ее пальцы, она была шероховатой от ее высохших на бумаге слез. Я провел по ней пальцем. И ощутил под подушечкой графитовую пыль.

Я стоял посреди ее пустой комнаты и смотрел на это лицо. И впервые за долгое время моя идеальная, выверенная логика дала сбой. План был прост: давление, изоляция, дозированная надежда, слом, подчинение. Но она не ломалась по моей схеме. Каждый мой ход она обращала против меня. Я

дал ей карандаши, чтобы увидеть ее душу через рисунки - и она показала мне ее, но не как трофей, а как оружие. Она швырнула мне в лицо свою боль, заставив меня посмотреть на результат моих действий не как на отчет Руслана, а как на трагедию.

Это выводило из себя. И восхищало одновременно.

Я забрал рисунок с собой, и покинул ее комнату. В своем кабинете я положил его рядом с первым рисунком. Лес и лицо. Холод и агония. Две стороны одной монеты. Ее монеты.

Она не сломалась. Она стала сильнее. Ярость придала ей сил для борьбы со мной. Моя жестокость стала для нее топливом.

Нужно было менять тактику. Грубое давление больше не работает. Угрозы вгоняют ее в ожесточенное сопротивление. Она не боится меня. Она боится за брата, но даже этот страх она научилась превращать в силу.

Я смотрел на эти два совершенно разных рисунка. Она общалась со мной посредством этих рисунков. На единственном языке, который у нее остался. И я должен был ей ответить. Не словами и не приказами.

Вечером я снова зашел в тот же художественный магазин. На этот раз я выбрал уголь. Несколько палочек разной толщины. И специальную бумагу, предназначенную только для рисования углем. Из более плотного и фактурного материала. Уголь - это не карандаш. Он не прощает ошибок. Он пачкается и живет своей жизнью. Это идеально подходящий материал для вымещения ярости и боли на бумаге.

Глубокой ночью, когда я был точно уверен, что она спит, я снова вошел в ее комнату. Она спала, свернувшись калачиком на кровати, и даже во сне ее лицо было напряженным. Я подошел к столу, на котором лежал ее альбом. Рядом с ним я тихо положил новую стопку бумаги и коробку с углем. Рядом с ними я оставил свой ответ, написанный в виде записки.

"Я вижу твою боль. Я принимаю твой вызов. Ты показала мне, на что способен карандаш в твоих руках. Теперь покажи мне, на что способна твоя ярость. Не сдерживай ее. Дай ей волю".

Я не знал, как она это воспримет. Возможно, она воспримет это как очередное издевательство. Но что-то мне подсказывало, что она все поймет правильно. Наш безмолвный диалог вышел за рамки слов. Он перешел в область теней, штрихов и безмолвных жестов.

Я вышел из комнаты, тихо прикрыв дверь за собой. Игра становилась все более опасной. И все более захватывающей. Я думал, что запер ее в своем доме. Но теперь я не был уверен, кто из нас на самом деле находится в клетке.

Глава 14. Монстр с душой эстета. Жанна

Я проснулась от холода, хотя в комнате было тепло. Это был внутренний озноб, оставшийся после ночи, проведенной в агонии творчества. Мое тело болело, пальцы были перепачканы черной пылью, а в голове стоял гул. Я чувствовала себя выжатой, опустошенной, словно вместе со штрихами на бумагу вытекли все мои силы, вся моя ярость.

Я села на кровати. Рисунок рядом не было. Он забрал его. Эта мысль не принесла ни страха, ни удовлетворения. Лишь констатацию факта. Наш странный, безмолвный диалог продолжался. Я швырнула ему в лицо свою боль, и он молча принял ее. Что будет дальше? Новая угроза? Новая попытка?

Я заставила себя встать и пойти в ванную. Под струями горячей воды я долго оттирала черные разводы с рук. Угольная пыль въелась в кожу под ногтями, словно клеймо. Я смотрела на свои руки - руки художника, превратившиеся в руки свидетеля, документирующего преступление.

Когда я вернулась в комнату, я заметила то, что не увидела сразу.

На столе, рядом с моим альбомом, лежала стопка плотной, фактурной бумаги кремового цвета и небольшая плоская коробка из темного картона.

Мое сердце замерло, а потом забилось часто-часто, как пойманная в силки птица. Я подошла к столу на ватных ногах. Руки дрожали, когда я открыла коробку.

Внутри, на бархатной подложке, лежали палочки угля. Несколько штук, разной толщины и твердости. Черные, бархатистые, они буквально впитывали свет.

Я отшатнулась от стола, словно от ядовитой змеи.

Что это значит? Очередная насмешка? Издевательство? Или... что-то другое?

Я снова и снова прокручивала в голове этот немой жест. Я показала ему свою боль, нарисованную карандашом. А он в ответ подарил мне уголь. Материал более грубый, чем карандаш, и более экспрессивный. Материал, которым рисуют не тонкие линии, а глубокие тени. Материал, который идеально подходит для того, чтобы изобразить ярость, отчаяние и тьму.

Он не приказал. Не угрожал. Он просто ответил. На том языке, который я понимала и был для меня доступным.

Мой взгляд упал на записку, лежащую рядом с коробкой. Я прочитала текст записки: "Я вижу твою боль. Я принимаю твой вызов. Ты показала мне, на что способен карандаш в твоих руках. Теперь покажи мне, на что способна твоя ярость. Не сдерживай ее. Дай ей волю".

Я должна была подчиняться его приказам. Эта мысль была настолько чудовищной и в то же время настолько притягательной, что у меня закружилась голова. Он не просто тюремщик. Он... зритель. Ценитель. Он коллекционировал мои эмоции, воплощенные на бумаге. И он хотел большего.

Весь день я не прикасалась к его "дару". Я ходила по комнате из угла в угол, как тигрица в клетке. Я пыталась понять его мотивы, разгадать его замысел. Этот человек был соткан из противоречий. Он держал моего брата в заложниках, превратил мою жизнь в ад, но при этом понимал язык искусства лучше, чем кто-либо, кого я знала. Он был монстром с душой эстета. И это пугало больше, чем любая физическая угроза.

К вечеру я больше не могла сопротивляться. Желание рисовать, выплеснуть все, что накопилось во мне во второй раз

после вчерашнего звонка, стало невыносимым. Уголь манил меня. Его черная, бархатная текстура обещала освобождение.

Я села за стол. Взяла в руки палочку угля. Он был легким, почти невесомым, и тут же оставил на моих пальцах черный след. Я взяла лист новой бумаги.

Что рисовать? Я не хотела снова рисовать Мишу. Это было бы слишком больно, слишком предсказуемо. Я хотела нарисовать источник этой боли.

Я закрыла глаза и представила его. Не его лицо. Его суть. Его присутствие, которое заполняло собой все пространство этого дома. Темную, властную фигуру. Силуэт, сотканный из теней. Хищника, затаившегося во мраке.

И я начала рисовать.

Уголь был совершенно другим. Он не подчинялся так же легко, как и карандаш. Он крошился, размазывался, оставляя жирные, глубокие следы на бумаге. Он был грязным, живым, неукротимым. Другими словами, он был - идеальным. Я работала не кончиками пальцев, а всей рукой, вкладывая в каждый мазок всю свою ненависть и страх. Я растирала пыль ладонью, создавая клубящиеся тени, резкими штриха-

ми процарапывая мрак.

На бумаге рождалась тьма. В центре этой тьмы я наметила фигуру. Высокую, мужскую. Без лица. Просто силуэт, стоящий спиной к зрителю и смотрящий в окно на тот самый лес, который я рисовала первым. Но даже без лица от этой фигуры исходила угроза. Ощущение абсолютной власти и безграничного, холодного одиночества.

Я рисовала, не замечая времени. Мои руки, лицо, одежда - все было покрыто черной пылью. Я дышала ею. Я стала частью этого мрака.

Когда я закончила, я была без сил. Я откинулась на спинку стула и посмотрела на свое творение. Это был он. Мой тюремщик. Мой ночной кошмар. Мой единственный собеседник, после брата.

Я снова оставила рисунок на подушке.

Я не знала, что будет дальше. Но я точно знала одно: наша странная, немая война продолжалась. И я только что нанесла свой самый сильный удар.

Глава 15. Нарушение правил. Марат

Утром я нашел третий рисунок. Он лежал на подушке, как и два предыдущих. Мой личный отчет о состоянии ее души, доставленный без слов.

Я замер на пороге ее спальни, увидев его.

Это был не просто рисунок. Это был сгусток чистой, концентрированной эмоции. Яростный, грязный, живой. Уголь. Она поняла. Она приняла мой вызов и ответила на него с такой силой, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

На листе был я.

Точнее, не я, а мое воплощение в ее сознание. Темный силуэт, смотрящий в окно на лес. Безликая фигура, от которой веяло абсолютной властью и такой же абсолютной, всепоглощающей пустотой. Она нарисовала не человека. Она нарисовала идею. Функцию. Монстра, запертого в собственной крепости.

Она увидела меня.

Не Марата Северцева, главу криминального империи, чье лицо мелькает в бизнес-хрониках. Не мужчину, которого желают женщины. Она заглянула под маску и увидела то, что я сам давно перестал замечать. Ледяное одиночество на вершине мира.

И это было... волнующе.

Никто и никогда не видел меня таким. Люди видели мою силу, мои деньги, мою жестокость. Боялись меня, ненавидели, пресмыкались передо мной. Но никто никогда не видел моей сути. А эта девчонка, моя пленница, запертая в четырех стенах, увидела. И не побоялась показать это мне.

Я снова забрал и этот рисунок. В кабинете я положил его рядом с двумя другими. Лес. Лицо. Силуэт. Трилогия ее плена. Холодная отстраненность. Пронзительная боль. И, наконец, глубокое, пугающее понимание.

Она больше не была просто головоломкой. Она становилась зеркалом.

Этот безмолвный диалог затягивал меня все сильнее. Он был интимнее любого разговора, откровеннее любого прикосновения. Она обнажала передо мной свою душу, а я, в

ответ, давал ей инструменты для этого. И в процессе она начала препарировать мою собственную.

Я понял, что следующего шага с ее стороны может и не быть. Я довел ее до пика. Она выплеснула все. Теперь наступит затишье. Вакуум. И если я хочу, чтобы наш "диалог" продолжался, я должен нарушить молчание первым. И на этот раз - не жестом, а присутствием.

Я знал, что она проводит дни в библиотеке. Это ее убежище. Ее нейтральная территория. И я решил вторгнуться в это святилище.

Я дождался вечера. Через камеры я увидел, что она там, сидит в кресле у окна с книгой. Я намеренно не стал надевать пиджак. Просто черная рубашка и брюки. Максимально неофициально. Максимально обезоруживающе.

Я вошел в библиотеку без стука.

Она вздрогнула, когда я открыл дверь, и подняла на меня испуганный взгляд. Ее тело напряглось, она вся превратилась в натянутую струну, готовую вот-вот лопнуть. Ее пальцы вцепились в книгу так, что костяшки побелели.

Я не сказал ни слова.

Я молча прошел мимо нее к стеллажам у окна. Сделал вид, что ищу что-то. Я чувствовал ее настороженный и испуганный взгляд на своей спине. Ощущал волны страха и ненависти, исходящие от нее. Воздух в комнате стал плотным, в нем звенело напряжение.

Я взял с полки первый попавшийся том в кожаном переплете. Что-то из античной философии. И, не глядя на нее, прошел и сел в другое кресло, которое стояло напротив ее кресла.

Между нами был лишь небольшой кофейный столик. Расстояние - не более двух метров. Критически мало.

Она замерла. И казалось, даже перестала дышать от напряжения, которое было вызвано моим присутствием в библиотеке. Я видел, как расширились ее зрачки. Она не понимала, что происходит. Я нарушил все неписанные правила нашей войны. Я вторгся на ее территорию и отказался атаковать. Я просто... был.

Я открыл книгу и сделал вид, что читаю. Но все мое внимание было сосредоточено на ней. Я слышал ее прерывистое дыхание. Видел, как она судорожно пытается сфокусироваться на страницах своей книги, но она то и дело бросает

на меня короткие, испуганные взгляды.

Тишина, царившая в библиотеке, была почти осязаемой. Она длилась сначала десять минут. Потом пятнадцать. Незаметно время перевалило за двадцать минут. Для нее это, должно быть, была целая вечность.

Я наслаждался произведенным эффектом. Наслаждался ее растерянностью, ее напряжением, в связи с моим присутствием. Это была новая форма контроля. Не через страх и угрозы, а через неопределенность. Через нарушение всех ее ожиданий.

Я перевернул страницу. Звук прозвучал в тишине, словно выстрел. Она вздрогнула.

Я поднял на нее глаза. И впервые за все это время посмотрел на нее не как на объект, а просто... посмотрел.

Она была бледной, под глазами залегли темные тени. Но в ее взгляде, помимо страха, было и толика упрямства. Она прямо не отводила глаз. Она стойко выдерживала мой взгляд.

Игра продолжалась. И я только что сделал свой самый непредсказуемый ход. Я сел напротив нее, чтобы посмот-

реть, что она будет делать дальше.

Глава 16. Фарс нормальности. Жанна

Его появление в библиотеке было сродни появлению акулы в аквариуме с рыбками. Мой мир, мое хрупкое убежище, в одно мгновение перестал быть безопасным. Каждая клетка моего тела закричала об опасности. Бежать. Спрятаться. Исчезнуть. Но бежать было некуда.

И он не сделал ничего.

Это было самое страшное. Он не угрожал, не говорил, не смотрел на меня с презрением. Он просто взял книгу и сел напротив. Два метра. Всего два метра разделили меня и моего монстра. Я могла рассмотреть текстуру ткани на его рубашке, увидеть, как блеснули в свете лампы его дорогие часы, когда он перевернул страницу.

Тишина, которая воцарилась в помещении, была невыносимой. Она давила на барабанные перепонки, заставляла сердце биться в паническом ритме. Я пыталась читать. Буквы прыгали перед глазами, сливаясь в бессмысленные черные узоры. Я не могла сосредоточиться. Всё мое существо было настроено на его присутствие в библиотеке. Я слыша-

ла его ровное, спокойное дыхание. Слышала тихий шелест страниц книги в его руках. Я вдыхала аромат, исходивший от него - тот самый, терпкий, дорогой парфюм, который теперь навсегда будет ассоциироваться у меня с запахом страха.

Это была изощренная пытка. Он лишил меня единственного места, где я чувствовала себя в относительной безопасности. Он показал, что в этом доме нет ни одного уголка, куда он не мог бы войти. Что вся эта огромная тюрьма - его территория, а я - лишь экспонат, который он может рассматривать в любое время.

Проходили минуты, казавшиеся часами. Я заставляла себя сидеть прямо, не ерзать, не показывать своего страха. Я вцепилась в книгу, как в спасательный круг. Это была моя броня. Моя маска спокойствия. Я не дам ему удовольствия увидеть мою панику.

Когда он перевернул страницу книги, и звук разорвал повисшую тишину, я вздрогнула всем телом. Это произошло произвольно. И тут же я прокляла себя за эту слабость перед ним.

Он поднял на меня глаза.

Наши взгляды встретились. И я не смогла отвести свой.

Его серые глаза смотрели спокойно, изучающе. В них не было ни злости, ни похоти. Лишь холодное, отстраненное любопытство ученого, разглядывающего под микроскопом редкий экземпляр растения. Я заставила себя выдержать этот взгляд с достоинством и гордостью. Я смотрела в ответ с вызовом, со всей ненавистью, на которую была способна. Пусть видит. Пусть знает, что я не сломалась.

Он первым нарушил молчание.

- "История флорентийской живописи", - его голос был тихим, без малейшего намека на угрозу с его стороны. Он кивнул на книгу в моих руках. - Интересный выбор.

Я вздрогнула от звука его голоса в этой оглушающей тишине. Мое горло сжалось в спазме. Я не хотела отвечать. Не хотела вступать с ним в этот фарс, лишь отдаленно напоминающий нормальный разговор двух людей, а не тюремщика и его пленницы.

- Тебе нравится Боттичелли? - продолжил он, не дождав- шись моего ответа.

Вопрос был настолько обыденным и настолько неумест- ным в данной ситуации, что я на мгновение растерялась.

- Да, - с трудом выдавила я из себя. Собственный голос показался мне хриплым и чужим.

- Почему?

Он что, серьезно? Он решил устроить дискуссию об искусстве?

- Его линии, - ответила я, сама не зная, зачем. Слова вырвались сами. - Они музыкальны. В них есть... скрытая чистота.

Он слегка кивнул, словно мой ответ его удовлетворил. - Скрытая чистота, - повторил он задумчиво, глядя куда-то мимо меня. - Редкое качество. В наше время.

Он захлопнул свою книгу, положил ее на столик рядом. И медленно встал.

Я инстинктивно вжалась в кресло. Сейчас что-то будет. Сейчас он подойдет, что-то сделает...

Но вместо этого, он пошел к выходу из библиотеки. Но не по прямой траектории. Он пошел к нему так, чтобы непременно обойти мое кресло сзади. Моя спина покрылась ледяным потом. Я слышала каждый его шаг. Он медленно при-

ближался к моему креслу.

В тот момент, когда он проходил мимо, он сделал это. Он не стал останавливаться. Просто провел рукой по спинке моего кресла, как бы невзначай. Его пальцы на долю секунды коснулись моего плеча, поверх тонкого кашемира свитера.

Это было не просто прикосновение. Это был удар током.

Тепло его руки обожгло меня сквозь ткань. Мое тело будто окаменело. Мимолетное, почти невесомое касание, но оно ощущалось словно клеймо. Он нарушил последний барьер. Физический. Он все-таки прикоснулся ко мне.

После этого он вышел из библиотеки, так и не обернувшись. Дверь за ним тихо закрылась.

А я сидела, не в силах пошевелиться. Взгляд был устремлен в одну точку на стене. Все мое сознание было сосредоточено на том месте на моем плече, которого случайно коснулись его пальцы. Оно словно горело изнутри теплым огнем.

Ярости не было. Не было отвращения. Был только оглушающий, первобытный шок. И страх. Новый, липкий, доселе неведомый страх. Он показал мне, что может прикоснуться ко мне в любой момент. Что мое тело так же беззащитно

перед ним, как и моя свобода.

Игра снова изменилась. И я с ужасом поняла, что проигрываю.

Глава 17. Звонок из реальности. Марат

Я вышел из библиотеки, чувствуя себя... странно. План сработал идеально. Даже лучше, чем я ожидал. Тишина. Напряжение. Короткий, обезоруживающий диалог. И финальный аккорд - мимолетное прикосновение.

Это был расчет. Чистый, холодный расчет. Я хотела проверить ее реакцию, пробить ее броню, посмотреть, что находится за этой стеной из ненависти и упрямства. Я хотел увидеть ее уязвимость.

И я ее увидел.

Я почувствовал, как она окаменела под моими пальцами. Я не смотрел, но я знал, что перестала дышать. Я ощутил этот электрический разряд, прошедший по ее телу, как будто я прикоснулся к оголенному проводу. Ее реакция была настолько чистой, и настолько же первобытной. Не было ни жеманства, ни испуга опытной женщины. Это была реакция невинности. Абсолютной, незамутненной невинности, столкнувшейся с угрозой.

И вот здесь мой расчет закончился. И начался импульс.

Удовлетворение, которое я испытал, было не просто удовлетворением стратега, чей план удался. Оно было другим. Более глубоким. Более темным. Это было чувство собственника, который только что заклеил свою вещь. Чувство хищника, который оставил свой след на добыче. Оно было неправильным, иррациональным и абсолютно всепоглощающим.

Тепло ее плеча все еще ощущалось на моих пальцах. Я остановился в коридоре, внимательно посмотрел на свою руку. Ту самую, что ее коснулась. Ничего не изменилось. Но я чувствовал иначе.

Эта девочка становилась проблемой. Она вызывала во мне реакции, которые я считал давно атрофированными. Она заставляла меня действовать не только исходя из логики, но и подчиняясь инстинктам. И это было опасно. Слабость. Уязвимость. Все то, от чего я избавлялся годами.

Я прошел в свой кабинет и налил себе виски. Лед резко звякнул о хрусталь. Я сделал большой глоток, пытаясь обжигающей горло жидкостью смыть с себя это наваждение. Не помогло.

На столе передо мной лежали ее рисунки. Лес. Лицо. Силуэт. Я посмотрел на них. Это была история нашего взаимодействия. История ее превращения. И моего. Я думал, что меняю ее, ломаю под себя. Но, возможно, она тоже меняла меня. Просачивалась под кожу, как медленный яд.

Телефонный звонок вырвал меня из раздумий. Звонил Руслан. Его голос, как всегда ровный и бесстрастный, вернул меня в реальность.

- Марат Павлович, есть проблема с портом. Люди Лазарева снова лезут на нашу территорию. Был конфликт, один из наших в больнице.

Криминал. Бизнес. Война. Мой привычный мир. Мир, где проблемы решаются силой, деньгами и устранением конкурентов. Я выслушал доклад, отдал короткие и четкие приказы. Жесткие. Беспощадные. Лазарев пожалеет о своей дерзости.

Когда я положил трубку, контраст между этими двумя мирами - миром кровавых разборок в порту и миром в тишине, книг и случайных касаний в библиотеке - был ошеломляющим. Там я был машиной. Здесь, в этом доме, рядом с ней, я становился кем-то другим. Кем-то, кого я не до конца понимал. И не мог контролировать.

Нужно было вернуть контроль. Над ситуацией. Над ней. И над собой.

Просто запереть ее и наблюдать было уже недостаточно. Наш диалог через искусство и молчание зашел в тупик. Он стал слишком... интимным. Нужно было снова менять правила. Показать ей другую грань моей власти. Не только как тюремщика, но и как... создателя. Коллекционера.

Я смотрел на ее рисунки. На ее талант. И у меня родился новый план.

Я не просто запру ее талант в этих стенах. Я дам ему выход. Но на моих условиях. Я покажу ей, что могу не только разрушать, но и созидать. Могу открыть для нее двери, которые для других закрыты. И эта золотая клетка станет еще более притягательной. И еще более прочной.

Я вызвал Елену.

- Вечером, после ужина, скажешь Жанне, чтобы она пришла ко мне в кабинет. Я хочу ей кое-что показать.

Это не будет угроза. Это будет приглашение. Приказ, замаскированный под привилегию. Я покажу ей то, что не по-

казываю никому. Часть моей личной коллекции. Не книги. Нечто более ценное. Более личное.

Пусть увидит, что мир красивых вещей, который она так любит, принадлежит мне. И она, вместе со своим талантом художника, теперь тоже его часть.

Глава 18. Шедевры во тьме. Жанна

Весь остаток дня после его ухода из библиотеки я провела как в тумане. Место на моем плече, которого коснулись его пальцы, продолжало гореть. Это было фантомное ощущение, вьевшееся под кожу, в нервные окончания. Я снова и снова терла это место, пытаюсь стереть память о прикосновении, но это было бесполезно. Он заклеймил меня. Тихо, мимолетно, но уже окончательно.

Я не пошла на ужин. Я знала, что не смогу сидеть с ним за одним столом, даже на расстоянии пяти метров. Мысль о его близости вызывала приступы тошноты и паники. Я осталась в своей комнате, ожидая наказания за непослушание. Сломанный палец Миши. Новая угроза. Что угодно.

Но ничего не произошло.

Вместо этого, спустя час после назначенного времени ужина, в мою дверь тихо постучали. Это была Елена.

- Жанна, Марат Павлович просит вас прийти к нему в кабинет. Он хочет кое-что вам показать.

Сердце пропустило удар, а потом заколотилось с бешеной

скоростью. Вот оно. Мое наказание. Но почему в кабинете? И что он хотел "показать"? Мой разум рисовал одну ужасную картину за другой.

Я молча кивнула. Выбора у меня все равно не было.

Путь до его кабинета показался мне путем на эшафот. Я шла по гулким коридорам, и каждый мой шаг отдавался в висках. Я была готова ко всему. К крикам, к насилию, к новой, еще более изощренной пытке.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Я толкнула ее и вошла.

Он стоял у противоположной стены, спиной ко мне. Стена была абсолютной пустой, без окон и картин. Он был одет все в ту же черную рубашку и брюки. Его поза была расслабленной, но от него исходила аура сжатой пружины.

- Подойди, - сказал он, не оборачиваясь.

Я подчинилась. Ноги были ватными. Я подошла и остановилась в нескольких шагах позади него, не зная, чего от него ждать.

Он молча нажал на что-то на стене. Часть панели бесшумно отъехала в сторону, открывая скрытую дверь. За ней бы-

ла темнота.

- Иди за мной, - бросил он и первым шагнул в проем.

Меня охватил ледяной ужас. Тайная комната. Подвал? Пыточная? Я замерла, не в силах сдвинуться с места.

Он остановился в темноте и обернулся. Я не видела его лица, только неясный силуэт.

- Не бойся, Жанна, - его голос был на удивление спокойным, почти мягким. - Я не причиню тебе вреда. Не сегодня.

Это "не сегодня" прозвучало страшнее любой угрозы. Но я поняла, что отказ будет стоить дороже. Сделав глубокий вдох, я шагнула за ним через порог.

Дверь за моей спиной так же бесшумно закрылась, погрузив нас в абсолютную темноту. Я вскрикнула от неожиданности. И тут же почувствовала его руку на своем локте. Крепко, властно, но не грубо. Он просто держал меня, не давая паниковать.

- Спокойно, - раздался его голос совсем рядом с моим ухом.

Раздался тихий щелчок. И пространство залил мягкий, рассеянный свет.

Я замерла, забыв как дышать.

Мы стояли не в подвале. Мы стояли в длинной, просторной галерее с высоким потолком. Стены были выкрашены в глубокий серый цвет, и на них висели картины.

И не просто картины. А шедевры художественного искусства.

Я узнавала их. Я видела их в альбомах, которые изучала в библиотеке. Вот - балерина Дега, застывшая в изящной танцевальной позе. Рядом с ним - нервный, изломанный пейзаж Шиле. Акварели Тернера, похожие на туманные сны. Небольшой, но пронзительный портрет кисти Модильяни.

Это была частная коллекция, достойная уровня музея. Сокровище, спрятанное в сердце этого чудовищного дома.

- Нравится? - его голос вырвал меня из оцепенения.

Он все еще держал меня за локоть. Я не могла ответить. Я просто шла вдоль стен, как замороженная. Каждая картина была живой. От них исходила энергия, в них была заключе-

на душа художника, его боль, его восторг после завершения картины.

- Я начал собирать их давно, - продолжил он, медленно ведя меня по галерее. Его голос был тихим, почти интимным. - Это единственное, что имеет смысл в этом мире. Красота. Она не лжет. Не предает. Она абсолютна и вечна.

Мы остановились перед одной из картин. Это был небольшой натюрморт Моранди. Простые бутылки и вазы, написанные в приглушенных тонах. Но в них была такая гармония, такое тихое достоинство, что хотелось плакать.

- Люди несовершенны, Жанна. Они слабы, глупы, ведомы страстями. Они разрушают все, к чему прикасаются. А это... - он кивнул на картину, - это вечно. Идеально. Подконтрольно.

Я слушала его речь, и во мне боролись два чувства. Ужас от того, что этот монстр, этот преступник, владеет такой красотой и понимает ее так глубоко. И странное, пугающее чувство... понимания. Я, как художник, тоже искала в искусстве эту идеальную, подконтрольную реальность.

Он подвел меня к концу галереи. К пустой стене без единой картины.

На ней, в самом центре, было одно-единственное пустое место, освещенное отдельным софитом. Идеально выверенное пространство для картины среднего размера.

- Твои рисунки конечно хороши. Лес, портрет брата, мой силуэт... Это все предварительные этапы. Этюды, - сказал он, останавливаясь прямо перед этим пустым местом. Он наконец отпустил мой локоть и повернулся ко мне. - Но я хочу не этюды. Я хочу законченное полноценное произведение. Шедевр живописи, рожденный в этих стенах.

Он посмотрел сначала на пустое место, а потом прямо мне в глаза. Его серые глаза были темными, почти черными в приглушенном свете галереи.

- Это место - для тебя, Жанна.

Я смотрела на него, потом перевела взгляд на пустую стену, затем снова на него. И я все поняла.

Это была не просто демонстрация власти и богатства. Это был приговор. Окончательный и бесповоротный. Он не собирался меня отпускать. Никогда. Он не просто запер меня в своем доме. Он вписывал меня в свою коллекцию. Он хотел владеть не только моим телом, но и моим талантом, моей ду-

шой, превратив ее в еще один идеальный, подконтрольный экспонат на своей стене.

Золотая клетка только что обрела свою последнюю, самую страшную решетку - раму для моей будущей картины.

Глава 19. Зеркало для Безумного. Марат

Я наблюдал за ней в полумраке галереи. Свет от софитов падал на шедевры, висевшие на стенах, но для меня сейчас существовал только один объект изучения - она. Жанна. Стоящая перед пустым местом на стене, хрупкая, напряженная, похожая на фарфоровую статуэтку, в которой вот-вот появятся трещины.

Ее лицо было абсолютно непроницаемым, но я научился читать ее по другим признакам. По тому, как замерло ее дыхание, когда она осознала смысл моих слов. По едва заметной дрожи в пальцах, сцепленных между собой. По тому, как ее огромные карие глаза потемнели, впитывая в себя весь ужас предначертанного будущего. Она не кричала. Не плакала. Не билась в истерике. Она молча принимала свой приговор. И это молчание было страшнее любого крика. Оно было наполнено осознанием.

Я ожидал другой реакции. Возможно, ярости, как тогда, с флаконом духов. Или презрительного сарказма. Но она просто смотрела на пустую стену, и я видел, как в ее сознании рушится последняя стена - стена надежды. Надежды на то,

что это временно. Что однажды я наиграюсь и отпущу ее.

Теперь она знала. Это навсегда.

"Это место - для тебя, Жанна".

Слова все еще висели в воздухе галереи, смешиваясь с запахом старых красок и пыли. Я сделал шаг к ней. Она не отшатнулась, но я почувствовал, как все ее тело напряглось до предела.

- Я дам тебе все, что нужно, - мой голос звучал ровно, почти бесстрастно, но каждое слово было выверено. - Мастерскую. Лучшие холсты из Италии. Краски, которые заказывают из реставрации в Лувре. Любые кисти. Любые растворители. Все, что может понадобиться гению для создания шедевра.

Я говорил о творчестве, но на самом деле о рабстве. О самом роскошном и безысходном рабстве, какое только можно вообразить. Я не просто строил для нее клетку, я золотил ее прутья, украшал их драгоценными камнями, чтобы она не могла не видеть их великолепия. И ненавидела его еще сильнее.

- Ты будешь работать, - продолжил я, обходя ее и стано-

вась между ней и пустым местом на стене, заставляя ее смотреть на меня. - Каждый день. Я хочу видеть процесс. Я хочу видеть, как из пустого белого холста и твоей боли, рождается красота. Идеальная и вечная красота.

Она молчала. Просто смотрела на меня снизу вверх. В ее взгляде больше не было огня. Там была выжженная пустыня. И в этой пустыне зарождалось что-то новое. Не страх. Ненависть никуда не делась, но она ушла на второй план. Это была холодная, кристаллическая решимость.

- А мой брат? - ее голос был тихим, но твердым, как сталь. Первые слова за все это время.

Я усмехнулся. Она все еще пыталась играть. Пыталась торговаться. Это было... восхитительно.

- Твой брат - это твое вдохновение, - произнес я, делая еще один шаг и сокращая дистанцию между нами до минимума. Я видел, как трепещут ее ресницы, чувствовал тепло ее дыхания. - Чем усерднее ты будешь работать, тем комфортнее будут его условия. Представь, Жанна. Каждый твой удачный мазок - это хороший обед для него. Законченный эскиз - мягкая постель. Начало работы над большим полотном - возможность для него дышать свежим воздухом. А законченный шедевр... - я сделал паузу, наслаждаясь произво-

димым эффектом. - Законченный шедевр, достойный этой стены, подарит ему свободу.

Эта была ложь. Идеальная, безупречная ложь, обернутая в тончайшую бумагу надежды. Я никогда не отпущу его. Он - мой главный рычаг давления. Но ей нужно было во что-то верить. В морковку, подвешенную перед носом. Это заставит ее работать не из-под палки, а с отчаянием и страстью.

Внезапно в кармане моих брюк завибрировал телефон. Резкий, раздражающий звук, вторгшийся в сакральную тишину галереи. Я недовольно поморщился. Это мог быть только Руслан. Я демонстративно медленно достал телефон, не отводя взгляда от ее лица. На экране высветилось его имя.

- Да, - коротко ответил я.

Я слушал его доклад, не меняясь в лице. Люди Лазарева снова проявили активность. Перестрелка на складах в промзоне. Двое наших людей ранены. Один крайне тяжело. Мир грубой силы и грязных денег врывался в мою идеальную коллекцию.

- Найдите того, кто стрелял первым, - мой голос стал ледяным. - Привезите его ко мне. Живым. Остальных... уберите. И сожгите их склад. Чтобы до утра остался только пепел.

Я сбросил вызов и убрал телефон обратно. Я намеренно не стал от нее отходить. Я хотел, чтобы она слышала. Чтобы она видела этот переход. От ценителя искусства до безжалостного убийцы. Чтобы она понимала, что человек, заказывающий ей картину, в следующую секунду может заказать чью-то смерть. Чтобы у нее было никаких иллюзий.

Ее лицо стало белым как бумага. Она слышала. Она поняла. В ее глазах отразился первобытный ужас. Вот он. Тот самый страх, который я хотел видеть. Не просто страх пленницы, а страх невинного существа, столкнувшегося с абсолютным, неприкрытым злом.

- Это... это и есть твой мир, - прошептала она.

- Это мир, который позволяет мне владеть всем этим, - я обвел рукой галерею. - И тобой. А теперь идем. У тебя было достаточно впечатлений на сегодня.

Я развернулся и пошел к выходу, не сомневаясь, что она последует за мной. Я слышал ее тихие, неуверенные шаги позади. Она больше не была противником. В этот момент она была сломлена. Я показал ей ее будущее, дал призрачную надежду и тут же продемонстрировал бездну, на краю которой она стоит.

Я вывел ее из галереи и закрыл за нами потайную дверь.

- Завтра утром в твою комнату доставят все необходимое. Жду первых эскизов к концу недели.

Я оставил ее одну посреди своего кабинета и ушел, не оглядываясь. Мне нужно было работать. Нужно было погрузиться в кровь и насилие, чтобы смыть с себя это странное, пьянящее чувство, которое я испытал в галерее. Чувство абсолютной власти не над телом, а над душой.

Я думал, что коллекционирую картины. Но только сейчас понял, что моим главным шедевром, рожденным из боли, страха и гениальности, должна была стать она сама. И я буду самым внимательным и самым безжалостным зрителем этого процесса.

Глава 20. Шедевр для Дьявола. Жанна

Я вернулась в свою комнату, но не узнала ее. Она перестала быть просто золотой клеткой. Теперь это был склеп. Склеп для моей надежды, для моего будущего. Его слова, сказанные в галерее, выжгли во мне все дотла. "Законченный шедевр... подарит ему свободу". Ложь. Ядовитая, сладкая ложь, в которую так хотелось поверить, но разум кричал об обратном. Он никогда не отпустит ни меня, ни Мишу. Мы - его собственность. Его экспонаты.

А потом был телефонный разговор. "Уберите. Сожгите... чтобы остался только пепел". Я стояла в метре от него и слышала, как он отдает приказ на убийство. Так просто, так буднично, словно заказывал пиццу. И в этот момент я поняла, что до сих пор не осознавала всей глубины бездны, в которую упала. Мой похититель был не просто криминальным боссом. Он был чудовищем, для которого человеческая жизнь не стоила ничего. Он был смертью, облаченной в дорогой костюм.

Я не спала всю ночь. Я сидела на полу, обняв колени, и смотрела в темноту за окном. Лес, который я рисовала, ка-

зался теперь не просто тюрьмой, а кладбищем. Сколько таких, как те, на складе, лежат под этими соснами?

Утром пришли они. Двое мужчин в спецодежде, молчаливые, как тени. Они не смотрели на меня. Они просто вносили в мою комнату вещи. Мольберт из темного дерева. Огромные, туго натянутые холсты, пахнущие свежим клеем и льном. Деревянный ящик, окованный медью. Когда его открыли, в нос ударил густой, терпкий запах, который я не чувствовала уже целую вечность. Запах масляных красок, льняного масла и скипидара. Запах моей прошлой жизни. Моего единственного счастья.

Они расставили все, как в настоящей мастерской, и так же молча ушли, оставив меня наедине с этими инструментами для пытки моей души.

Я долго ходила вокруг. Я боялась к ним прикоснуться. Каждый предмет кричал о нем. О его власти. О его извращенном замысле. Эти краски, купленные на кровавые деньги. Эти холсты, на которых я должна была нарисовать оправдание его жестокости. Это было осквернение всего, что я любила.

Я подошла к ящику с красками. Десятки тюбиков, разложенных по цветам. Ультрамарин, кобальт, кадмий красный,

охра золотистая... Я взяла в руки один тюбик. "Титановые белила". Холодный, тяжелый металл. Я открутила крышечку. Густая, белоснежная краска показалась из горлышка. Я выдавила каплю себе на палец. Растерла. Ощутила ее жирную, податливую текстуру.

И в этот момент во мне что-то сломалось. Или, наоборот, спаялось заново.

Ярость.

Чистая, холодная, всепоглощающая ярость, которая была сильнее страха и отчаяния. Он думает, что сломал меня? Думает, что я буду послушно рисовать для него красивые картинки, зарабатывая брату лишнюю миску супа? Он хочет шедевра? Он его получит.

Я поставила самый большой холст на мольберт. Белоснежная, безупречная поверхность. Она смотрела на меня, как чистое зеркало, готовое отразить все, что я в него вложу.

Я не буду рисовать цветы. Не буду рисовать пейзажи или абстракции. Я нарисую правду. Я нарисую его мир таким, каким я его увидела. Я нарисую картину, которая станет моим безмолвным обвинением. Моим приговором ему.

Я взяла палитру и начала выдавливать на нее краски. Не яркие и чистые цвета. Я смешивала их, получая грязные, сложные оттенки. Цвет запекшейся крови. Цвет ноябрьского неба. Цвет его серых, мертвых глаз. Цвет пепла, о котором он говорил по телефону.

Я взяла в руки кисть. Рука не дрожала. Она была твердой, как никогда. Я обмакнула кисть в краску и сделала первый мазок на холсте.

Длинная, черная линия, рассекающая белое пространство надвое.

Это был не просто мазок. Это было объявление войны. Моей личной, тихой войны, которая будет вестись на этом холсте. Он дал мне оружие, и я направлю его против него. Он хочет увидеть рождение красоты из боли? Я покажу ему рождение истины из ненависти.

Я не знала, что в итоге получится. Не знала, сколько времени это займет. Но я знала одно: эта картина станет моим главным произведением. Моим реквиемом по украденной жизни. И, возможно, моим единственным шансом сохранить себя в этом аду.

Пусть смотрит. Пусть ждет. Шедевр для Безумного уже

начал рождаться. И он будет написан кровью моей души.

Глава 21. Яд на кончике кисти. Марат

Ночь после нашего разговора в галерее была долгой. Я занимался делами Лазарева. Человека, стрелявшего в моих людей, привезли в один из моих подвалов. Я спустился к нему лично. Он был дерзким, молодым, еще не понимающим, что его жизнь уже закончилась, просто тело еще не осознало этот факт. Я не пачкал руки. Я просто сидел в кресле напротив него и задавал вопросы. А Руслан и его люди работали. Каждый мой вопрос, оставшийся без нужного мне ответа, стоил ему невыносимой боли. К утру он рассказал все, кто отдал приказ, где их следующие склады, кто их крышует в полиции. Он рассказал бы мне даже то, чего не знал, лишь бы этот ад прекратился. Когда информация была получена, я кивнул Руслану. Больше пленный был не нужен. Я ушел, не оглядываясь, под аккомпанемент его запоздалых, бессмысленных мольб о пощаде.

Я принял душ, смывая с себя запах чужого страха и крови. Переоделся в чистую домашнюю одежду - черные брюки из тонкой шерсти и кашемировый джемпер. Мой мир был идеально разделен. Там, за стенами этого дома - грязь, насилие и смерть. Здесь - порядок, тишина и красота. И она.

Мой самый странный, самый непокорный и самый прекрасный экспонат.

Я не спускался к завтраку. Я отдал приказ Елене отнести ей все, что она просила. Через камеры я видел, как в ее комнату вносят мольберт и краски. Видел, как она, оставшись одна, долго ходит вокруг них, словно замороженная змея перед дудкой факира. Я ждал. Я дал ей время.

А потом она начала рисовать.

Я наблюдал за ней через монитор в своем кабинете. Она поставила на мольберт самый большой холст. Ее движения были резкими и выверенными. В них не было сомнения. Она не делала предварительных набросков. Она взяла кисть и нанесла первую линию. Черную. Рассекающую холст, как шрам.

В этот момент я понял - она приняла вызов. Она не будет рисовать натюрморты. Она будет сражаться. И это было во сто крат интереснее, чем я мог себе представить.

Я дал ей несколько дней. Я не входил к ней. Не беспокоил. Я был идеальным зрителем, наблюдающим за рождением спектакля из первого ряда. Она работала как одержимая. Пропускала обеды, иногда забывала про ужин, пока Елена

не напоминала ей. Она вся ушла в холст. Ее комната, ее золотая клетка, превратилась в настоящую студию художника. В воздухе стоял густой запах красок и растворителя. Пол был застелен пленкой, но на нем все равно появлялись цветные пятна. Она сама изменилась. Ходила в одной и той же простой черной одежде, перепачканной краской. Ее платиновые волосы часто были собраны в пучок, и на них тоже были цветные мазки. Она похудела, под глазами залегли тени, но сами глаза... они горели. Горели лихорадочным, яростным огнем творчества.

К концу недели мое терпение иссякло. Наблюдения через камеру было недостаточно. Я хотел почувствовать эту атмосферу. Вдохнуть запах ее войны. Увидеть ее творение вживую.

Я вошел к ней без стука.

Она стояла спиной ко мне, у мольберта. В руке - кисть, на палитре в другой руке - месиво из темных, грязных оттенков. Она была настолько поглощена процессом, что даже не услышала, как я вошел. Я остановился у двери, наблюдая. Ее рука двигалась уверенно, нанося на холст широкие, экспрессивные мазки. Это была не живопись. Это была битва.

На холсте творился хаос. Из переплетения темных ли-

ний, рваных цветовых пятен и глубоких теней проступали какие-то образы, которые я пока не мог разобрать. Но от картины исходила невероятная, почти физически ощутимая энергия. Энергия боли и ярости.

Я сделал несколько шагов вглубь комнаты. Скрипнула половица.

Она замерла. Ее спина напряглась. Она не обернулась. Но я знал, что все ее существо теперь было сосредоточено на мне.

Я медленно обошел ее, становясь так, чтобы видеть и ее, и холст. Она стояла неподвижно, как статуя, сжимая в руках палитру и кисть. Лицо бледное, на щеке - мазок темно-синей краски. Она смотрела не на меня, а на свое творение.

- Что это? - мой голос в пропитанном скипидаром воздухе прозвучал глухо.

Она молчала несколько секунд.

- Правда, - наконец ответила она, не поворачивая головы. Голос был хриплым от долгого молчания.

- Чья правда?

- Та, в которой вы меня заперли.

Я усмехнулся. Она не боится. Она на своей территории. Здесь, перед этим холстом, она была хозяйкой.

Я подошел ближе. Так близко, что мог рассмотреть каждую трещинку на засохшей краске на ее пальцах. Она пахла льняным маслом и бунтом. Я протянул руку и коснулся ее запястья, того, что держало кисть. Ее кожа была холодной. Она вздрогнула, как от удара, но не отняла руку. Я провел пальцем по ее ладони, размазывая свежую каплю краски цвета запекшейся крови.

- Ты вся в ней, - тихо сказал я. - В этой правде.

Она резко выдернула руку. В ее глазах, когда она наконец посмотрела на меня, плескалась чистая, незамутненная ненависть.

- Не трогайте меня.

- Я буду трогать все, что принадлежит мне, Жанна, - произнес я, глядя ей прямо в глаза. - Твои кисти. Твои холсты. И тебя.

Ее грудь часто вздымалась. Она была похожа на загнанного, но не сдавшегося зверя. Она была прекрасна в своей ярости.

Наблюдения закончилось. Я увидел достаточно. Я увидел ее силу, ее непокорность, ее талант, который она превратила в оружие. И я захотел не просто наблюдать. Я захотел обладать всем этим. Полностью и без остатка.

Я сделал шаг назад, давая ей пространство.

- Ты хорошо поработала, - сказал я ровным, деловым тоном. - Сегодня можешь отдохнуть.

Она смотрела на меня с недоумением и подозрением, не понимая, куда я веду.

- Я не устала.

- Это была не просьба. И не предложение. Это приказ, - отрезал я. Я подошел к двери и остановился, обернувшись к ней. Я посмотрел на нее долгим, оценивающим взглядом, который не обещал ничего хорошего. Взглядом собственника, который пришел забрать свое. - Приведи себя в порядок. Прими душ. Елена принесет тебе ужин. А после него ты придешь ко мне в комнату.

Я не стал дожидаться ее ответа. Я вышел и закрыл за собой дверь. Решение было принято. Эта игра в художницу и мецената зашла слишком далеко. Она начала чувствовать себя слишком уверенно на своей территории. Пора было напомнить ей, кто здесь хозяин. И чья воля в этом доме - единственный закон.

Сегодня ночью она будет спать в моей кровати. И она узнает, что есть вещи, которые не нарисуешь на холсте. Есть правда, которая познается только телом.

Глава 22. Право сильного. Жанна

Его слова - "после него ты придешь ко мне" - прозвучали как выстрел. Не как приговор, который можно обжаловать. Как факт. Как падения лезвия гильотины. Я осталась стоять посреди своей мастерской-тюрьмы, и запах краски вдруг показался мне удушливым, как трупный яд. Весь мой бунт, вся моя ярость, выплеснутая на холст, обратились в прах. Он просто пришел и одним предложением напомнил мне, кому на самом деле принадлежит и эта комната, и эти краски, и я сама.

Елена принесла ужин. Я не притронулась к нему. Вместо этого я пошла в душ. Вода была обжигающе горячей, я терла кожу мочалкой докрасна, пытаясь смыть не только засохшую краску, но и его взгляд, его прикосновение к моей руке, его запах. Бесполезно. Он уже был под кожей.

Я не знала, что надеть. Вся моя "новая" одежда казалась либо слишком нарядной, либо слишком интимной. В итоге я выбрала самое простое и закрытое, что нашла - длинное шелковое платье-рубашку темно-серого цвета. Оно скрывало все, но струящаяся ткань казалась предательской, слишком откровенно обрисовывающей контуры тела. Я расчесала волосы и оставила их распущенными. Я не красилась. Я шла

на казнь, а не на свидание.

Каждый шаг по коридору к его крылу дома был пыткой. Я никогда там не была. Здесь было еще тише, еще гулче. Дверь в его спальню была приоткрыта. Я замерла перед ней, не решаясь войти. Сердце колотилось так сильно, что отдавало в висках.

- Заходи, Жанна.

Его голос изнутри комнаты лишил меня последней воли. Я толкнула дверь.

Его спальня была огромной и почти пустой. Минимализм, доведенный до абсолюта. Гигантская кровать с черным покрывалом. Две тумбочки. И одна стена - полностью стеклянная, выходящая на ночной, черный лес. Он стоял у этого окна, спиной ко мне, в одних черных брюках. Широкая, мускулистая спина была напряжена. В руке он держал бокал с виски.

Он обернулся. Его взгляд был тяжелым, изучающим. Он медленно окинул меня с головы до ног, и я почувствовала себя голой под этим взглядом.

- Подойди, - сказал он.

Я заставила себя сделать несколько шагов. Ноги не слушались. Я остановилась посреди комнаты, на огромном мягком ковре.

- Ты боишься меня, - это был не вопрос, а констатация факта.

- Да, - честно выдохнула я.

- Хорошо, - он сделал глоток виски. - Страх отрезвляет.

Он поставил бокал на тумбочку и медленно пошел ко мне. Я замерла, как кролик перед удавом. Я не могла бежать. Не могла кричать. Я могла только ждать.

Он остановился прямо передо мной. Он был таким высоким, таким огромным. Я чувствовала жар, исходящий от его обнаженного торса. Он пах виски и чем-то еще - чистым, мужским, опасным.

- Я задавал себе вопрос, - начал он тихо, почти вкрадчиво, глядя мне прямо в глаза. - Что я хочу больше: видеть, как ты рисуешь свою ненависть ко мне, или забрать эту ненависть себе. Всю, без остатка.

Он поднял руку и медленно, почти невесомо, коснулся пальцами моей щеки. Я вздрогнула, но не отстранилась. Его пальцы были теплыми и жесткими. Он провел ими по линии моей скулы, подбородку, очертил контур губ.

- Ты - моя. Твоя ненависть, твой талант, твое тело. Я хочу все, - прошептал он. И это было страшнее любой угрозы. Это было признание. Исповедь собственника. Его вторая рука легла мне на талию и властно притянула к себе. Я уперлась руками в его грудь, пытаюсь сохранить хоть миллиметр дистанции. Его тело было твердым, как камень.

- Пожалуйста... не надо... - мой голос был лишь жалким шепотом.

- Поздно, Жанна, - его губы коснулись моего уха, обжигая дыханием. - Время для "пожалуйста" про

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.